

Отдѣльный оттискъ изъ Христіанскаго Востока.
Томъ VI, выпускъ I.

А. ВРИЛДІАНТОВЪ.

О МѢСТѢ КОНЧИНЫ И ПОГРЕБЕНІЯ

СВ. МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1918.

О мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника.

Значеніе св. Максима Исповѣдника въ исторіи.—I. Данныя древнѣйшихъ греческихъ памятниковъ о крѣпости Схимарисъ, какъ мѣстѣ заключенія св. Максима, и о погребеніи его близъ этой крѣпости.—II. Извѣстіе о погребеніи его въ монастырѣ св. Арсенія.—III. Мѣстное грузинское преданіе о погребеніи св. Максима близъ крѣпости Мури.—IV. Необходимость проверки этого преданія показаніями древнихъ памятниковъ.—V. Неясность вопроса о монастырѣ Арсенія. Вопросъ о положеніи крѣпости Схимарисъ.—VI. Сообщенія Прокопія о крѣпости *Οὐδεύμερος—Οὐδέμερος*. Общераспространенное мнѣніе о ея положеніи и возможность отождествленія ея съ Схимарисомъ.—VII. Происхожденіе различія названій «*Οὐδεύμερος—Οὐδέμερος*» и «*Συχη(ι, οί?)μαρις*». Грузинское «Химаръ» и славянское «Химарь». Вопросъ о лингвистическомъ тождествѣ «Схимарисъ» и «Мури».

Св. Максимъ, окончившій свою жизнь «Исповѣдникомъ», въ ссылкѣ за свою защиту ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ, извѣстенъ какъ одинъ изъ величайшихъ и наиболѣе авторитетныхъ учителей вѣры въ ряду св. отцовъ вселенской церкви. Въ завершительную стадію исторіи раскрытія христологическаго догмата въ моноелитскомъ спорѣ, представляющемъ прямое продолженіе спора монофиситскаго, онъ именно былъ главнымъ защитникомъ и выразителемъ православнаго ученія. Его вліяніе, несомнѣнно, отражается въ дѣятельности Латеранскаго собора 649 г. и папы Мартина, и шестой вселенскій соборъ утверждаетъ имъ именно разъясненное ранѣе ученіе о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Иоаннъ Дамаскинъ въ своемъ догматическомъ компендіумѣ соответствующій отдѣлъ излагаетъ буквально словами Максима. Велъ въ свое время св. Максимъ борьбу и непосредственно съ монофиситами, и устно, чрезъ диспуты, и письменно, въ рядѣ полемическихъ трактатовъ.

Память о Максимѣ у разныхъ народовъ христіанскаго Востока, естественно, въ виду этого должна стоять въ тѣснѣйшей связи съ исторіей споровъ и борьбы изъ-за Халкидонскаго собора, имѣвшихъ столь важное значеніе въ религіозной и политической жизни этого Востока.

Если для православныхъ его имя было окружено особымъ почетомъ, то для монофиситовъ и моноелитовъ оно являлось, наоборотъ, синонимомъ еретика и даже ересіарха, и они по отношенію къ нему не скупятся на всякаго рода рѣзкіе эпитеты. Моноелиты имѣли въ немъ главнаго своего противника. По мнѣнію монофиситовъ, онъ окончательно проявилъ и закрѣпилъ своими разъясненіями подлинный, якобы несторіанскій, характеръ халкидонскаго исповѣданія, и послѣ него халкидониты уже безповоротно утвердились въ своемъ «несторіанствѣ»¹. Раздѣляющіе его ученіе уже у моноелита Макарія, патріарха антиохійскаго, осужденнаго на VI соборѣ, называются «максиміанами»². Подобное названіе потомъ можно встрѣчать и у монофиситскихъ писателей въ приложеніи къ православнымъ. Такъ какъ монофиситство, съ неизбѣжными при немъ моноелитскими выводами, и теперь еще живо и имѣетъ представителей въ лицѣ разныхъ восточныхъ народностей (яковиты-сирійцы, копты, армяне, абиссинцы), то вопросъ объ отношеніи къ Максиму этихъ доселѣ обособленныхъ отъ прочаго христіанскаго міра восточныхъ христіанъ, очевидно, можетъ имѣть и не одинъ лишь теоретическій интересъ³.

¹ Характерно, между прочимъ, отношеніе св. Максима къ аполинаріанскимъ подлогамъ, лежащимъ въ основѣ монофиситства и составляющимъ въ сущности единственную его псевдопатристическую опору. «Убоимся Бога, — отвѣчаетъ онъ епископу Θεодосію (моноелиту), сославшемуся на эти подлоги, — и не будемъ прогнѣвлять Его ссылкой на еретическія изреченія: всякому извѣстно, что они принадлежатъ нечестивому Аполинарію» (PG, 90, 148C). Древніе полемисты противъ монофиситства не всегда были столь рѣшительны въ признаніи подлогности этихъ изреченій, въ виду авторитета св. Кирилла александрійскаго, пѣкогда съ довѣріемъ относавшагося къ нимъ. Въ настоящее время фактъ подлога признается въ наукѣ окончательно установленнымъ. Ср. А. Бриллиантовъ, Происхожденіе монофиситства, въ ХрЧ, 1906, июнь, 794—6. Какое значеніе, между тѣмъ, имѣли подлоги эти для противниковъ Халкидонскаго собора, это наглядно видно, напр., изъ направленаго противъ собора сочиненія Тимофея Эдура, армянскій переводъ котораго изданъ въ повѣйшее время (1908, о сирійскомъ переводѣ ср. П. Я. Марръ въ ХВ, II, 405—6), и изъ армянской «Печати вѣры» (Эчмиадзинъ 1914) VII в.

² Mansi, XI, 357C.

³ На сирійскомъ языкѣ составлена была, можетъ быть, еще до VI вселенскаго собора, моноелитомъ Григоріемъ или — какъ читается въ другомъ мѣстѣ — Георгіемъ риш-айнскимъ, который называетъ себя «ученикомъ» Софронія, лично знавшимъ Максима, тенденціозная «Исторія о Максимѣ», гдѣ историческія свѣдѣнія перемѣшаны съ ошибками и прямыми вымыслами. Максимъ представляется здѣсь сыномъ самарянина изъ Сихара, по имени Абанъ, въ крещеніи Θεоны, и персіянки-рабыни изъ Тиверіады, по имени ἡνδῆ, въ крещеніи Маріи; родился онъ въ селеніи Хасфинъ въ Палестинѣ, и первоначальное имя его было Мосхій; воспитаніе онъ получила, по смерти родителей, въ монастырѣ Παλατιῆ Λαύρα, подъ руководствомъ архимандрита Панталеона — «оригениста»; послѣдній уже и называлъ его Максимомъ. Эта «Исторія», съ множествомъ разныхъ именъ и фактическихъ подробностей, требующихъ еще разъясненія, доселѣ не издана и извѣстна мнѣ по фотографическимъ снимкамъ съ cod. Mus. Brit. add. (olim Richianus) 7192. Самую рукопись, гдѣ находится «Исторія», Райгъ относитъ къ VII в. (ср. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, русск. пер., 69); это та

Высокое уваженіе къ св. Максиму въ православной церкви обусловливалось не только лишь указанною особою ролью его въ исторіи христологическихъ споровъ. Онъ извѣстенъ вообще какъ спекулятивный богословъ и

рукопись, изъ которой Hoffmann (1880) издалъ отрывокъ романа о Юліанѣ Отступникѣ, Kugener (1907) — астрономическій и метеорологическій трактатъ съ именемъ Діонисія Ареопагита. Конецъ «Исторіи», гдѣ должна быть рѣчь о ссылкѣ Максима, въ рукописи не сохранился, но особо дѣльные свѣдѣніи въ этомъ случаѣ едва-ли можно было бы ожидать: о папѣ Мартинѣ, напр., сообщается, будто онъ былъ сосланъ въ Лазикъ. Съ сообщеніями «Исторіи», совпадаетъ частію (упоминается о происхожденіи Максима изъ Хасфина) краткій сравнительно разсказъ въ хроникѣ Михаила Спрійца, котораго повторяетъ Бар-Эврайя. Но Михаилъ, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о «ереси Максим(ин)а», указываетъ на полемическое сочиненіе противъ нея пресвитера Симеона изъ монастыря Кеннешре и о Григоріи или Георгіи не упоминаетъ (ed. Chabot, II, 2, I, XI, 9). Можно однако думать, что самъ Симеонъ обязанъ былъ нѣкоторыми своими сообщеніями именно «Исторіи» послѣдняго, хотя съ увѣренностью судить объ этомъ трудно, такъ какъ о сочиненіи Симеона извѣстно лишь изъ Михаила. О Максимѣ у Михаила ср. еще XI, 10 (здѣсь, между прочимъ, у него говорится о ссылкѣ Максима «на Кавказъ, въ Арменію»), 11, 12; XI, 20, 23: о «максими(ни)тахъ» и маронитахъ; XI, 25; XII, 8: о распространеніи ученія Максима Θεодоромъ Абу Курра (ср. G. Graf, Die arabischen Schriften des Theodor Abū Qurra. Paderborn 1910, 15—20). Съ другой стороны, на сирийскомъ же языкѣ, въ мелкитскихъ рукописяхъ позднѣйшаго времени (напр. Paris. syr. 136, 1521 г., 142, 1531 г.) имѣется переденная съ греческаго служба Максиму.—Одинаковаго съ сирийскими моноелитами и монофиситами взгляда на Максима держались въ общемъ представители армянской церкви. Даже полуневольные и непослѣдовательные «халкидониты» временъ уніи съ моноелитствующимъ византійскимъ правительствомъ, въ родѣ католикосовъ Езра (632—642) и Нерсеса (642—661), къ Максиму, разумѣется, должны были относиться отрицательно, ведя въ то же время борьбу съ противниками уніи изъ упорныхъ антихалкидонитовъ. Между прочимъ, вождь послѣднихъ, Іоаннъ майрагомскій, извѣстный своей оппозиціей Езару уже при первоначальномъ заключеніи уніи, Нерсесомъ и свѣтскою властію былъ сосланъ съ своими единомышленниками — подобно Максиму и двумъ Анастасіямъ — тоже на Кавказъ, но не въ Лазикъ, а куда-то къ «идолопоклонникамъ», причемъ на лбу у него выжжено было изображение лисицы; но по смерти преемника Нерсеса Анастасія († 667), онъ, однако, могъ уже возвратиться въ Арменію, гдѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ; умножившіеся же ученики его «πάντες [πάντας?] ἐξήχλησαν ἀπὸ τῆς ἀληθείας» (Narratio de rebus Armeniae у Combesis, Historia haeresis Monotheletarum, 1648, с. 285E—288A, перепечатано въ PG, 132. Ср. также въ письмѣ Фотія католикосу Захаріи, въ Правосл. Палест. Сборникѣ, XI, 2, 1892, 182=230). Еп. Карапетъ Терл-Мкртчянъ, въ статьѣ въ сборникѣ Հոռիզոն, 1913, 111—2, и въ предисловіи къ изданной имъ «Печати вѣры», составителемъ которой, въ первоначальной ея редакціи, онъ считаетъ Іоанна майрагомскаго (XCVI—XCVII), полагаетъ, впрочемъ, — но едва ли на достаточномъ основаніи, — что Іоаннъ умеръ еще до 652 г. и разсказы о наказаніи и ссылкѣ относятся лишь къ его ученикамъ. Что послѣ моноелитскаго спора и выступленія въ немъ Максима связывалось съ халкидонскимъ исповѣданіемъ ими Максима, какъ его истолкователя, это видно изъ инцидента въ исторіи албанской (агванской) церкви. Здѣсь албанскій католикосъ Нерсесъ, въ согласіи съ правительницею Спрамою, сталъ насаждать (ок. 700 г.) халкидонскую вѣру именно въ формѣ диелитства. Но католикосъ Арменіи Илія, при содѣйствіи мусульманскихъ властей, успѣвшия круто расправиться съ Нерсесомъ и Спрамою, и отъ албанскаго собора, съ новопоставленнымъ католикосомъ Симеономъ во главѣ, вытребовалъ грамоту противъ «злойной горечи секты Несторія и Максима», гдѣ на «Максима и учениковъ его» провозглашалась, въ ряду съ другими дѣйствительными и мнимыми еретиками, анаома, равно и на Нерсеса (Исторія Агванъ Моисея Каганкатваца. Перев. съ арм. СПб. 1861, 242, 244). Возможно, что въ числѣ книгъ Нерсеса, которыя Симеонъ приказалъ бросить въ р. Тергу въ Бердакурѣ, какъ «полныя ересей» (241), были и тѣ или нѣкоторыя

одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей христіанской мистики въ духѣ церковнаго неоплатонизма такъ наз. ареопагитскихъ твореній; не менѣе извѣстенъ онъ и какъ аскетическій писатель. У грековъ къ нему было прилагается иногда наименованіе «третьяго богослова» (послѣ Іоанна евангелиста и Григорія Назіанзина); нѣкоторыя произведенія его, какъ можно о

произведенія св. Максима. Халкидонитство было тогда рѣшительно подавлено армянами въ той части Албаніи, которая подверглась армянскому вліянію. Ошибочность мнѣнія Максима о двухъ воляхъ во Христѣ есть нѣчто само собою предполагающееся для армянскаго полемиста противъ халкидонитовъ VIII в. Хоеровика (изд. Овсепяна, Вагаршапатъ 1903, 43). Гагикъ-ванспураканскій отмѣчаетъ въ письмѣ къ императору Роману (X в.) непоследовательность византийцевъ, сначала присудившихъ Максима, по автору, къ смерти, а потомъ принявшихъ его мнѣніе (Книга писемъ, Тифлисъ 1901, 301). Но въ средѣ самихъ армянъ было нѣкогда, до окончательной побѣды у нихъ монофиситства, довольно значительное и важное въ культурномъ отношеніи халкидонитское теченіе, какъ выставляетъ это на видъ и доказываетъ рядомъ фактовъ Н. Я. Марръ, Аркауно, монгольское названіе христіанъ, въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ, ВВр, XII, 1906, 1—69; Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ, ЗВО, XVI, 2—3, 1905, 63—211. Этими халкидонитами, нужно думать, обязанъ своимъ происхожденіемъ «древній» переводъ на армянскій языкъ такъ назыв. «Мистагогіи» Максима или толкованія на литургію, указываемый Зарбаналянкомъ въ его обзорѣ древне-армянской переводной литературы (Вѣна 1889, 561). Недогматическій характеръ трактата дѣлалъ его приемлемымъ и для читателей-монофиситовъ. Но обращаетъ на себя вниманіе въ заглавіи этого труда наименованіе св. Максима не только «философомъ», но и «мученикомъ» (въ печатныхъ изданіяхъ греческаго текста нѣтъ этихъ эпитетовъ). Приписываемый обычно Стефану сунійскому (VIII в.) переводъ извѣстныхъ съ именемъ Максима схолий на ареопагитскія творенія, по Теръ-Мкртчяну (предисл. къ «Печати вѣры», XXXIII—XXXIV), явился на дѣлѣ позже, такъ какъ имѣется рукопись перевода этихъ твореній, принадлежащаго Стефану, безъ этихъ схолий, и самъ Стефанъ не сталъ бы переводить ихъ, какъ рѣшительный противникъ Максима по догматическимъ убѣжденіямъ. Изъ греческихъ источниковъ попало въ армянскій айсмавуръ подъ 13 августа (Константинополь 1834, II, 74) «предложеніе мощей святого отца Максима Исповѣдника», на ряду, притомъ, съ памятью «святой царицы Ксеніи»—извѣстной почитательницы Максима Ирины († 1124),—подобно тому, какъ тамъ же можно встрѣтить и «мученичество Мартина, архіепископа римскаго» (подъ 15 сентября, II, 150).—На арабскомъ языкѣ полемизировалъ противъ писавшаго по-арабски же «распространителя» ученія Максима, Θεодора Абу Курра, яковитъ Abū Rāiṭa Shabīb ibn Chadma, причисляющій, однако, и Максима и Θεодора къ моноелистамъ (?) (Graf, ц. с., 14, 19). Перевелъ на арабскій языкъ преніе Максима съ Пирромъ Abū 'l-Faṭh 'Abdāllah ibn al Faḍl (G. Graf, Die christlich-arabische Literatur. Fr. im Br. 1905, 69).—Было бы, между прочимъ, интересно выяснить, въ какой мѣрѣ пользовались данными изъ сочиненій Максима *грузинскіе* полемисты противъ монофиситства и моноелистства въ своихъ хранящихся пока лишь въ рукописяхъ (ср. Н. Я. Марръ въ Журн. и проток. Предсоборнаго Присутствія. III, 2, 1907, 110) трактатахъ, въ частности извѣстный церковный дѣятель и богословъ эпохи Давида Строителя Арсеній икалтайскій (XII в.). Имя Максима упоминается и въ одной изъ одъ поэта этого времени Шаветели (Н. Я. Марръ, Древнегрузинскіе описцы. TP, IV, 1902, стр. 5). Для грузинскихъ читателей доступъ къ произведеніямъ Максима едва ли не впервые открылъ своими переводами св. Евѣимій аѳонскій († 1028). Перечисленіе извѣстныхъ на грузинскомъ языкѣ трудовъ съ именемъ Максима дается у Джавахова въ XV, I, 1912, 11—12, 19, 24—25, и у прот. Кекелидзе въ TrKA, 1912, сентябрь, 39—41.—Есть ли что-либо заслуживающее вниманія о Максимѣ, кромѣ тѣхъ или иныхъ мимоходныхъ замѣчаній, въ письменности *коттской* и *эвѳонской*, мнѣ неизвѣстно.

томъ судить по сохранившимся рукописямъ, пользовались весьма широкой распространенностью. На западѣ ему въ особенности былъ обязанъ при развитіи своей системы извѣстный своимъ тяготѣніемъ къ греческому Востоку западный философъ-богословъ IX в. Эригена (Эріугена). Съ весьма высокой оцѣнкой его не только съ богословской стороны, но и философской, можно встрѣчаться и въ новѣйшее время. Достаточно указать хотя бы на отзывъ о немъ В. С. Соловьева, какъ о «самомъ сильномъ, послѣ Оригена, философскомъ умѣ на христіанскомъ Востока»¹.

Въ греческой церкви съ давнихъ поръ было установлено чествованіе Максима, какъ святого, принятое и другими православными церквами; почитается память его и въ римско-католической церкви. Древнимъ церковнымъ обычаемъ было воздавать прославленіе святымъ въ особенности на мѣстахъ ихъ погребенія: уже въ первыя времена христіанства храмы въ честь мучениковъ устроились, когда это было возможно, на ихъ могилахъ. Св. Максимъ окончилъ жизнь въ древней Лазикѣ, въ нынѣшнемъ русскомъ Закавказьѣ. Мѣстное кавказское преданіе указываетъ съ точностью мѣстность, гдѣ онъ былъ погребенъ; сообщается и о бывшемъ здѣсь нѣкогда монастырѣ имени св. Максима, хотя нынѣ тутъ имѣется лишь незначительная обращенная въ церковь часовня. Въ послѣднее время былъ возбужденъ вопросъ объ установленіи здѣсь такого чествованія его памяти, которое соотвѣтствовало бы значенію великаго вселенскаго учителя и подвижника. Такъ какъ св. Максиму суждено было закончить подвигъ вѣры исповѣдничествомъ и смертію въ ссылкѣ въ предѣлахъ нынѣшняго русского государства, то забота объ этомъ, очевидно, должна лежать на представителяхъ какъ грузинской церкви, такъ вмѣстѣ и на представителяхъ русской церкви.

Кавказское преданіе имѣетъ весьма высокую степень вѣроятности. Но научная провѣрка его, тѣмъ не менѣе, не является излишнею. Съ вопросомъ о мѣстѣ погребенія св. Максима тѣсно связанъ вопросъ о мѣстѣ его заклю-

¹ Энцикл. Словарь Брокгауза-Эфрона, полут. 35 (1896), 446. О христологии св. Максима ср. И. Орловъ, Труды св. Максима Исповѣдника по раскрытію догматическаго ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. СПб. 1888. Краткій очеркъ вообще богословско-философскихъ воззрѣній его — А. Бриллиантовъ, Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. СПб. 1897, 191—219. Въ послѣдніе годы въ русской богословской наукѣ обращено особое вниманіе на этого столь важнаго представителя патристической письменности. Въ Московской Духовной Академіи началъ переводъ его произведеній на русскій языкъ подъ редакціей † М. Д. Муретова съ участіемъ С. Л. Епифановича. Въ Кіевѣ должно выйти въ скоромъ времени обстоятельное изслѣдованіе о Максимѣ и его литературной дѣятельности С. Л. Епифановича (уже изданъ отдѣльно обширный очеркъ его: Преп. Максимъ Исповѣдникъ и византійское богословіе. Кіевъ 1915).

ченія, гдѣ онъ и скончался. Содѣйствовать уясненію этихъ вопросовъ въ имѣетъ своею задачею предлагаемый очеркъ¹.

I.

Указанія относительно мѣста кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника имѣются, прежде всего, въ греческихъ источникахъ. Изъ нихъ до-

¹ Ближайшимъ поводомъ къ его появленію послужило именно возбужденіе указанного вопроса объ установленіи надлежащаго чествованія св. Максима на мѣстѣ его погребенія въ Закавказьѣ, и въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ представлялъ записку, составленную по порученію Совѣта Петроградской Духовной Академіи. — Доселѣ еще незаконченное, до настоящаго времени дѣло это имѣетъ слѣдующую исторію. Впервые вопросъ поднятъ былъ въ 1908 г. Лечхумскимъ уѣзднымъ начальникомъ А. К. Энкелемъ, обратившимся по этому поводу съ письменнымъ заявленіемъ къ Кутаисскому губернатору и затѣмъ (6 сентября) въ Грузино-Имеретинскую Синодальную Контору. Послѣдняя отношеніе Энкеля отправила къ епископу имеретинскому Георгію, съ порученіемъ собрать свѣдѣнія по возбужденному вопросу и дать свое заключеніе. Въ отвѣтъ на это, епископъ Георгій представилъ записку, написанную О. Жорданіей, и въ своемъ рапортѣ (отъ 21 февраля 1909 г.) высказывался, что ходатайство Лечхумскаго уѣзднаго начальника «заслуживаетъ полной похвалы и одобренія, ибо изложенныя въ представленной запискѣ данныя не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что Максимъ Исповѣдникъ погребенъ въ указанной въ ходатайствѣ Энкеля часовнѣ, состоящей нынѣ въ развалинахъ». Контора, донося объ этомъ (31 августа 1909 г.) Св. Синоду и препровождая записку Жорданіи, также нашла возбуждаемое ходатайство заслуживающимъ уваженія. Св. Синодъ, признавъ нужнымъ, прежде окончательнаго рѣшенія дѣла, подвергнуть представленныя Конторою историческія свѣдѣнія о мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима научной провѣркѣ, по опредѣленію отъ 27 августа — 18 сентября 1912 г. передалъ съ этой цѣлью записку Жорданіи въ Петроградскую Духовную Академію. Составленная послѣ этого, лежащая въ основѣ настоящаго очерка, записка, по постановленію Совѣта Академіи отъ 16 декабря 1913 г. была представлена Св. Синоду. Показаніе о погребеніи св. Максима въ мѣстности Мури было признано въ ней заслуживающимъ довѣрія въ высокой степени, но указано было на желательность, для окончательнаго выясненія вопроса, еще археологическія разысканія въ мѣстности Мури, и именно, подъ руководствомъ академика Н. Я. Марра, какъ наиболѣе компетентнаго нынѣ изслѣдователя Кавказа и его древностей. Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 20/28 марта 1914 г. предоставилъ своему Оберъ-прокурору снести съ Академіей Наукъ въ цѣляхъ осуществленія намѣченнаго предположенія объ археологическомъ изслѣдованіи, съ ассигнованіемъ на расходы по этому изслѣдованію 500 р. Изслѣдованіе мѣстности и раскопки въ Мури произведены были затѣмъ лѣтомъ 1914 г. откомандированнымъ Н. Я. Марромъ изъ состава Анійской археологической экспедиціи старшимъ хранителемъ Кавказскаго Музея Н. Н. Тихоновымъ при содѣйствіи кн. Д. Е. Микеладзе и Д. А. Кипшидзе. Работы осмотрѣны были Н. Я. Марромъ 13—16 юля. Краткое сообщеніе о нихъ прочитано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Академіи Наукъ 11 февраля 1915 г. (ср. ИАН, 1915, № 6, 507—8), и извѣщеніе (отъ 28 февраля) послано Св. Синоду. Само по себѣ это археологическое разслѣдованіе прямого отвѣта на вопросъ о мѣстонахожденіи могилы св. Максима не дало, и обработка добытыхъ данныхъ, по заключенію Н. Я. Марра, требуетъ еще дополнительныхъ разысканій, главнымъ образомъ изученія грузинской версіи житія св. Максима по древнѣйшему его (мартильскому) списку. Отчетъ въ окончательномъ видѣ предположено напечатать въ ХВ. Св. Синодомъ 28 апрѣля 1915 г. постановлено было оставить ходатайство Грузино-Имеретинской Конторы пока безъ дальнѣйшихъ распоряженій.

кументами самой высокой цѣнности, по достовѣрности и обстоятельности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, вообще являются написанныя вскорѣ же послѣ кончины Максима письмо Анастасія апокрисіарія и записка Θεодосія гангрскаго.

Анастасій сосланъ былъ въ Лазикъ вмѣстѣ съ Максимомъ и другимъ Анастасіемъ, монахомъ (ученикомъ Максима съ 619 года), въ 662 г. и тамъ жилъ, послѣ скорой кончины ихъ, еще нѣсколько лѣтъ (прибыли всѣ вмѣстѣ въ Лазикъ 8 іюня, Анастасій монахъ † 24 іюля, Максимъ † 13 августа, Анастасій апокрисіарій † 666 октября 11). Незадолго до своей смерти онъ въ письмѣ къ Θεодосію въ Іерусалимъ, относящемся ко времени между 1 сентября 665 и 31 августа 666 г. (IX индиктъ), описалъ первоначальную судьбу своихъ сподвижниковъ и свою собственную по прибытіи въ Лазикъ, обстоятельства кончины Анастасія монаха и Максима и свою дальнѣйшую судьбу. Въ письмѣ при этомъ онъ выражалъ желаніе, чтобы кто-либо изъ имѣющихъ ревность по Богѣ пришелъ къ нему для его утѣшенія и для засвидѣтельствованія истины православія въ мѣстѣ его ссылки, и чтобы принесены были ему дѣянія Латеранскаго собора 649 г. противъ моноелитовъ.

Адресатъ этого письма, Θεодосій, родомъ изъ Гангры, пресвитеръ и монахъ въ Іерусалимѣ, еще со временъ изданія типиса (648) и Латеранскаго собора посвятившій себя, вмѣстѣ съ братомъ Θεодоромъ, на служеніе гонимымъ за православіе отъ византійскаго правительства, проважавшій трехъ исповѣдниковъ въ 662 г. въ ссылку въ Лазикъ, еще прежде полученія этого письма отправился къ Анастасію. Но сначала онъ побывалъ въ Херсонисѣ таврическомъ, куда еще въ 648 г. сосланы были константинопольскіе ученики Анастасія, братья Евпрепій († 655 окт. 20) и Θεодоръ, а затѣмъ сосланъ въ 654 г. и напa Мартинъ († 655 сент. 16). Θεодора въ Херсонисѣ Θεодосій засталъ въ живыхъ, но въ Лазикъ онъ прибылъ уже по смерти Анастасія. Побывавъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣднее время и скончался, онъ получилъ письмо его, вмѣстѣ съ разными реликвіями и литературнымъ наслѣдствомъ, на обратномъ пути изъ Лазики, отъ Григорія, настоятеля монастыря Іоанна Крестителя такъ назыв. *Βεταράρειος* въ Аланіи, 20 августа 668 года. Письмо это было имъ потомъ опубликовано вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ исторіи моноелитскаго спора. Онъ приложилъ къ нимъ еще свою памятную записку, съ цѣлію сохранить для потомства свѣдѣнія объ авторѣ письма и его ученикахъ, Θεодорѣ и Евпрепій; говорится въ ней также и о Мартинѣ и Максимѣ съ Анастасіемъ монахомъ. Записка написана во время отъ 1 сентября 668 до 31 августа 669 г. (XII индиктъ).

Изъ письма Анастасія извѣстна на греческомъ языкѣ только часть его, касающаяся именно Максима, въ извлеченіи, помѣщенномъ въ одной изъ редакцій житія Максима. Этотъ греческій текстъ напечатанъ лишь въ недавнее время М. Д. Муретовымъ¹ и затѣмъ С. Л. Епифановичемъ². Какъ видно изъ латинскаго перевода этого письма у Анастасія Библиотекаря, составителемъ житія были сдѣланы въ этомъ извлеченіи нѣкоторыя опущенія въ сравненіи съ подлинникомъ. Записка Θεοδοσία сохранилась на подлинномъ языкѣ въ цѣломъ видѣ въ cod. Vatic. gr. 1671 s. X, и издана недавно С. Л. Епифановичемъ³.

Раньше оба эти памятника были извѣстны въ печати лишь въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библиотекаря (IX в.), въ его такъ назыв. Collectanea, изданныхъ впервые Сирмондомъ въ 1620 г. и неоднократно потомъ перепечатывавшихся, въ послѣдній разъ — въ 129 томѣ латинской Патрологіи Миня. Относящіеся къ Максиму документы въ Collectanea перепечатаны были также Комбефисомъ въ его изданіи твореній Максима (1675), но съ ошибками, повторенными, съ прибавленіемъ новыхъ, въ 90 томѣ греческой Патрологіи Миня⁴.

Извлеченіе изъ письма Анастасія имѣется и въ грузинскомъ переводѣ упомянутаго житія, принадлежащемъ св. Евѳимію афонскому († 1028); данныя этого письма, чрезъ посредство житія, вошли и въ краткое сказаніе грузинскаго синаксаря, переведеннаго (1038—1042) съ греческаго языка, съ дополненіями, Георгіемъ Мтацминдели. Переводъ на русскій языкъ и

¹ Творенія св. отца нашего Максима Исповѣдника. Ч. I. Житіе преп. Максима и служба ему. Переводъ, изданіе и примѣчанія проф. М. Д. Муретова. Сергіевъ Посадъ 1915 1916, 162—7 (первоначально въ приложеніи къ БВ, 1913, ноябрь).

² Въ собраніи неизданныхъ греческихъ текстовъ, относящихся къ св. Максиму, уже напечатанномъ, но еще не выпущенномъ въ свѣтъ, и любезно присланномъ мнѣ издателемъ въ мартѣ 1915 г., стр. 9—10.

³ Тамъ же, 11—20. Запискѣ предпослано въ рукописи краткое введеніе анонимнаго автора (10—11) и дано другое заглавіе: *Ἱστορία συντομος τὰ κατὰ τὸν μακρίον Μαρτῖνον γενομένη πύλας Ῥώμης καὶ τὸν ἅγιον Μάξιμον καὶ τὸν σὺν αὐτῷ* [не достааетъ, очевидно, причастія при ἱστορίᾳ], вѣсело подлиннаго обширнаго заглавія, сохраненнаго въ латинскомъ переводѣ (Scholium, sive Hymnesticum, etc.). У Муретова русскій переводъ сдѣланъ съ латинскаго текста, 209—225, но затѣмъ помѣщены поправки къ нему по изданному Епифановичемъ греческому тексту, 226—230 (=БВ, 1914, апрѣль).

⁴ PL, 129 (1853), с. 659—634, 681—690; PG, 90, с. 171—178, 193—202. Ошибки допускаются часто, между прочимъ, въ собственныхъ именахъ. Напр., 173C Scotoni стоитъ вмѣсто Scotori, Abasgoiam — Abasgiam, 173D Suias — Suaias, 174D Misimiamae — Misimianaе, illi—illinc, 175A Phustuensium — Phustensium, 177B пропущена послѣ слова Hiberiae пѣлая фраза, оканчивающаяся также этимъ словомъ; 193B Theodoreto (у Миня) вмѣсто Theodoro, 198D habitonibus—habitoribus, 199B tibi—sibi, scribat—scribebat. Но съ другой стороны, въ PL, 129, 687C послѣ minimis пропущено Theodosio scilicet et, Batararu стоитъ вмѣсто Batararu.

житія (въ извлеченіяхъ) и синаксарнаго сказанія сдѣланъ прот. К. Кекелидзе¹.

Анастасій рассказываетъ, что когда Максимъ, самъ онъ и другой Анастасій—монахъ прибыли въ «страну христіолюбивыхъ Лазовъ» (τὴν τῶν φιλοχρίστων Λαζῶν χώραν), по приказу тогдашняго начальника этой области ихъ немедленно разлучили.

Максима отнесли на сплетенныхъ изъ прутьевъ носилкахъ (πλέξαντες ἀπὸ βεργίων ὡσπερ χαλάδριον), такъ какъ онъ не былъ въ состояніи, по немощи, даже сидѣть, ни на вычномомъ животномъ, ни въ экипажѣ, и заключили «εἰς κάστρον λεγόμενον Σχιομάριν, πλησίον διακείμενον τοῦ ἔθνους τῶν λεγομένων Ἀλανῶν», «in castro Schemari vocitato juxta gentem eorum qui dicuntur Alani», «въ крѣпости, которая называлась лимаръ, — по близости къ странѣ Осетинской»².

Анастасія авву и Анастасія апокрисиарія отвезли на лошадахъ и заключили перваго—въ апеллійскую крѣпость «Σκοτόριν», второго—въ мисиміанскую «Βουκόλους». Но ихъ вскорѣ, 18 іюля, по приказу начальника (per jussionem tunc principis), привели сначала «εἰς τὸ λεγόμενον Μουχορίσιν», и отсюда Анастасія монаха отправили полуживого (ἡμιθανῆ ὄντα) «εἰς κάστρον τῆς λεγομένης Σουανίδος», или «Σουανίας», гдѣ онъ, сразу по заключеніи, и умеръ, другого Анастасія — «εἰς κάστρον τῆς λεγομένης Θαχυρίας».

Максимъ, когда находился въ вышеупомянутой крѣпости (in castro superius memorato), заранѣе (по Θεодосію, за 15 дней) получилъ въ видѣніи откровеніе о своей кончинѣ, имѣвшей быть 13 августа, въ субботу, и призвавъ нѣкоторыхъ изъ находившихся въ крѣпости лицъ (quosdam ex his qui erant in castro), сообщилъ имъ объ этомъ. Въ указанный день онъ и скончался. Анастасіи сообщаетъ и о другомъ чудесномъ фактѣ, которымъ сопровождалась кончина Максима и который имѣлъ мѣсто на его могилѣ (in sancto ejus monumento) послѣ его погребенія; это чудо, по его словамъ, до настоящаго момента (666 г.) видятъ и рассказываютъ о немъ живущіе въ

¹ Свѣдѣнія грузинскихъ источниковъ о преп. Максимѣ Исповѣдникѣ, въ ТрКА, 1912 ноябрь, 477—9, 485 (въ отд. оттискѣ 68—70, 76). При переводѣ житія прот. Кекелидзе имѣлъ двѣ лишь позднѣйшія тифлискія рукописи, Тифл. ц. арх. Музея 636, оконч. 1728 г., и Общ. распр. грамоти. среди грузинъ, 1128, XIX в., и не могъ воспользоваться указанными у него древнѣйшими списками, Мартвильскаго монастыря, 1030 г., и Джручскаго, 1031 г. Синаксаръ былъ у него подъ руками въ рукоп. ц. арх. Музея 840, 193, 97—XI в.; 222, 839—XII в.; 569, 635—XII—XIII в.; 139—XIII в. (ТрКА, 1912, сентябрь, 2—3).

² Муретовъ, 163—4 = Епифановичъ, 9. PL, 129, 660AB = PG, 90, 173C. Кекелидзе, 477—8 (68—9). Σχιομάριν Епифановичъ исправляетъ въ текстѣ въ Σχημάριν.

крѣпости и ея окрестностяхъ (*qui castrum illud et ejus circa regionem inhabitant*); слухъ о немъ дошелъ и до нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ и именитыхъ лицъ (*ad quosdam etiam principum atque magnatum pervenit*). Именно: три яркіе свѣтильника освѣщаютъ по ночамъ святую могилу этого святого мученика (*tres lampades luciferae per singulas noctes sanctum sancti illius martyris Maximi monumentum illustant*)¹.

Анастасія апокрисиарія, который теперь одинъ остался въ живыхъ, послѣ того какъ онъ два мѣсяца (слѣдовательно, до 20-хъ чиселъ сентября) лежалъ больной «*in castro praedictae Thasyriae*», начальникъ (*princeps*) опять отослалъ «*ad partes Apsiliae et Misimianae custodiae mancipandum in castro Phustas*». При этомъ онъ въ теченіе семи мѣсяцевъ водилъ его по названнымъ областямъ, безъ необходимой одежды и обуви, пѣшкомъ, изнемогающаго отъ холода, голода и жажды, желая, чтобы и онъ погибъ. Но онъ самъ подвергся изгнанію (*post aliquos itaque dies pellitur illinc*, — по-видимому, изъ мѣстности, гдѣ находилась крѣпость Phustas, по водвореніи тамъ Анастасія въ мартѣ-апрѣлѣ 663 г.). Преемникъ его освободилъ Анастасія изъ этой крѣпости и поселилъ вблизи своего мѣстопробыванія (*juxta domum suam receptum*). Однако чрезъ годъ (слѣдовательно, въ мартѣ-апрѣлѣ 664 г.) и онъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, и «по дѣвольскому дѣйствию» опять назначилъ его «*ad praedictum castrum*» (=Phustas); но въ тотъ же день самъ онъ долженъ былъ бѣжать въ страну «христолюбивыхъ» авасговъ, и обѣщалъ тамъ князьямъ (*principibus*) авасговъ, сочувствовавшимъ Анастасію, хотя лично его и не знавшимъ, облегчить по возможности его участь въ случаѣ возстановленія во власти. Но когда чрезъ нѣсколько дней при чьей-то помощи онъ возвратился, то не только не исполнилъ обѣщанія, а велѣлъ даже немедленно перевести Анастасія «*a castro Phustensium*» «*in Schemareos castrum*». Анастасіи былъ уже на пути туда, какъ притѣснитель его снова былъ изгнанъ и бѣжалъ туда же, гдѣ былъ и прежде. Новый начальникъ, Григорій, возвратилъ Анастасія «*a via crebro dicti Schemareos castrum*» и помѣстилъ вблизи мѣста, гдѣ жилъ самъ, оказывая ему всякое покровительство². У Феодосія гапгрскаго это мѣсто послѣдняго заключенія и смерти Анастасія опредѣляется, какъ крѣпость «*Θουσοῦμης*» (*Thusumes*)³.

¹ PL, 129, 660D—661AB=PG, 90, 174ABC. О подобномъ же чудѣ, явленіи свѣта на мѣстѣ, гдѣ находилось (непогребенное еще) тѣло отшельника Іоанна (на горѣ ἄπὸ εἰς μιλίων Ῥόσσου), рассказывается, между прочимъ, въ «Лугѣ духовномъ», гл. 87. PG, 87, 3, 2944—5.

² PL, 129, 661—2=PG, 90, 174—5.

³ Епифановичъ, 13. PL, 129, 683D—684A=PG, 90, 195C.

Тамъ, гдѣ окончилъ свою жизнь и гдѣ былъ погребенъ св. Максимъ, Θεодосίη самъ не былъ, но онъ имѣлъ возможность бесѣдовать съ лицами, весьма хорошо знавшими эту мѣстность. Онъ сообщаетъ, что о свѣтѣ, являющемся надъ могилою Максима (οὐ καὶ τὸ ἅγιον μνημα κατὰ νόχτα λαμπάδας ἀναβλυστάνει, ἀφ' ἧς ἡμέρας κεκοιμήται μέχρι νῦν), онъ самъ слышалъ отъ многихъ какъ изъ среды начальствовавшихъ, такъ и изъ среды простыхъ обывателей (παρὰ πολλῶν τῶν ἐκεῖσε ἀρχόντων τε καὶ οἰκητόρων), при чемъ они подтверждали истинность факта клятвою; однимъ изъ очевидцевъ этого факта является самъ начальникъ крѣпости, гдѣ Максимъ былъ заключенъ, Μιστριάνης: онъ многократно во время ночной стражи, вмѣстѣ съ другими воинами изъ своего гарнизона, видѣлъ свѣтильники и первый разсказалъ о нихъ всѣмъ (ὁ τοῦ αὐτοῦ κάστρου Συημάρεως κόμης [κόμης Епифан.] Μιστριάνος, ὁ καὶ βιγλεῶν μετὰ τῶν ἑαυτοῦ στρατιωτῶν ταύτας [= τὰς λαμπάδας] οὐχ ἅπαξ οὐδ' εἰς, ἀλλὰ καὶ πολλάκις θεασάμενος καὶ πᾶσι πρῶτος φανερώς κηρύξας). Самъ Θεодосίη не нашелъ возможнымъ идти туда въ виду трудности восхожденія на гору (гдѣ находится крѣпость), которая представляетъ — по его мнѣнію — вершину Кавказскихъ горъ, и выше ея нѣтъ горы на землѣ (διὰ τε τὴν τοῦ ὄρους ἐκεῖνου ἦτοι τῆς κορυφῆς τῶν Καυκασίων, οὐ ὑψηλότερον ὄρος ἐπὶ γῆς οὐκ ἔστιν, δυσχέρειαν)¹, и въ виду зимняго времени, а также неспокойнаго состоянія обитающихъ тамъ народовъ.

Такимъ образомъ, по Анастасію и Θεодосію, мѣстомъ заключенія Максима была крѣпость «Σχημάρις (Σχημαρίς) — Schemaris» или «Σχιομάρις (Σχιομαρίον)»; близъ нея онъ былъ и погребенъ. Сообщенія ихъ не могутъ возбуждать никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности, и вопросъ можетъ быть только о мѣстонахожденіи указываемой ими крѣпости и о правильной формѣ ея наименованія.

II.

Въ отличіе отъ этихъ весьма важныхъ въ данномъ случаѣ историческихъ источниковъ, крайне невысокую цѣнность имѣютъ въ цѣломъ сами по себѣ разныя позднѣйшія сказанія о Максимѣ и житія его, писанныя анонимными авторами. Новаго въ сравненіи съ тѣмъ, чтò извѣстно и помимо ихъ, они даютъ очень мало, и вмѣсто фактовъ ихъ авторы сообщаютъ иногда лишь свои невѣрные домыслы.

Начало нѣкоторыхъ изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя со временемъ

¹ Епифановичъ, 16—17. PL, 129, 686D—687A=PG, 90, 198D—199A.

утвердились въ византийской традиціи о св. Максимѣ и сосланныхъ съ нимъ въ Лазикъ двухъ Анастасіяхъ, восходить частью уже къ сочиненію съ именемъ Анастасія Синаита конца VII в., о ересьяхъ и соборахъ, изданному впервые Питрою¹. Въ немъ именно говорилось, вслѣдъ за сообщеніемъ объ участи папы Мартина, о «приведеніи» Максима «съ двумя учениками Анастасіями» въ Константинополь для суда, тогда какъ Анастасій апокрисіарій на дѣлѣ былъ сосланъ уже въ 648 г. въ Транезунтъ, и съ Максимомъ прибылъ и былъ подвергаемъ допросу лишь Анастасій монахъ, который собственно и былъ «ученикомъ» Максима въ тѣсномъ смыслѣ слова; Анастасій апокрисіарій, если и вызванъ былъ тогда въ Константинополь, то лишь для того, чтобы быть отправленнымъ въ новое мѣсто ссылки — въ Месимвірю, если только это не относится къ другому времени². Здѣсь же сообщается о наказаніи Максима чрезъ отрѣзаніе языка и усѣченіе не только руки, но и ногъ³, и о ссылкѣ его въ Лазикъ, между тѣмъ какъ о сподвижникахъ его Анастасіяхъ замѣчается только, что ихъ отправили въ ссылку въ разныя мѣста, причемъ одинъ изъ нихъ, пресвитеръ, потерпѣлъ такое же наказаніе, какъ и учитель, а другой подвергся тягчайшимъ пыткамъ⁴. Дается, очевидно, прямой поводъ думать, будто въ Лазикъ они и не были сосланы, и только одинъ изъ нихъ наказанъ подобно Максиму, чрезъ отрѣзаніе языка и пальцевъ.

Это произведеніе, судя по буквальному почти сходству нѣкоторыхъ мѣстъ, было подъ руками у неизвѣстнаго автора древнѣйшаго — нужно думать — изъ имѣющихся краткихъ сказаній о Максимѣ, указаннаго нѣкогда еще въ Acta Sanctorum болландистовъ и нынѣ издавнаго С. Л. Епифановичемъ по cod. Vindob. hist. gr. 14 (45): Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ τοῦ ὁσίου πατρὸς Μαξί-

¹ Pitra, Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta. II. Romae 1868, p. 268—9.

² 268: ἄμα δυοῖ μαθηταῖς Ἀναστασίοις τὴν προσηγορίαν, διὰ τὰύτην τὴν αἰτίαν ἐπὶ τὸ Βυζάντιον ἄγονται, καὶ τὸν Μαρτίνου κλῆρον δέχονται. На ошибочность этого мнѣнія, чрезъ посредство синаксарнаго сказанія и житія Максима сдѣланнаго общераспространеннымъ, указалъ J. Stiglmayr, Der heilige Maximus «mit seinen beiden Schülern», въ Der Katholik, 1908, № 7, 39—45, безъ выясненія, однако, его дѣйствительнаго источника.

³ 268: γλωσσοτομοῦσιν οἱ ἄσεβεῖς, χεῖρα καὶ πόδας συνεκκόψαντες. Объ усѣченіи ногъ въ древнѣйшихъ источникахъ не говорится. Ср. Епифановичъ, 11—12; PG, 90, 172A. Но сообщеніе объ этомъ встрѣчается у Гагика. Φέρρη [Θη] [Θη]. Тифлисъ 1901, 301: *δωρησθησὶ τὸ ἄνω καὶ τὸ κάτω*.

⁴ 268—9: Τῶν δὲ μαθητῶν θάτερον ἀλλαγότε ὑπερώρισαν, τὸν μὲν γὰρ ἓνα, πρεσβύτερον τὴν τάξιν ὄντα, τὰ αὐτὰ τῷ διδασκάλῳ τιμωρησάμενοι, τὸν δ' ἄλλον αἰχίαις βαρυτάταις καταζήναντες, ἀλλήλων ἄνοσιούργῳ γνώμῃ κειρατημένοι διαζεύγνυσιν. Поводъ къ мнѣнію, что лишь Анастасій пресвитеръ пострадалъ подобно Максиму, могъ давать до нѣкоторой степени уже рассказъ Θεοδοσία. Епифановичъ, 11.

μου τοῦ ἐμολογητοῦ¹. Здѣсь, послѣ замѣчанія о ссылкѣ Максима сначала во Фракію и затѣмъ, послѣ наказанія, въ Лазику, повторяется указанное сообщеніе, что «пресвитеръ» Анастасій наказанъ былъ подобно своему учителю, о другомъ же Анастасіи заявляется съ опредѣленностью, что онъ посланъ былъ въ крѣпость фракійскую (гдѣ, въ Месимврїи, въ дѣйствительности онъ былъ уже передъ ссылкой въ Лазику)². Крайнюю смутность своихъ представлений объ Анастасіяхъ этотъ авторъ, между прочимъ, еще ранѣе обнаруживаетъ въ томъ, что подъ именемъ «пресвитера» Анастасія у него выступаетъ въ сущности Анастасій монахъ, а пресвитеръ и апокрисиарїи *римскій* Анастасій называется «апокрисиаріемъ его» (неясно кого, Максима ли, или же Анастасія «пресвитера»)³. Но и о пребываніи Максима въ ссылкѣ въ Лазикѣ у него даются совершенно несогласныя съ дѣйствительностью свѣдѣнія. Извѣстіе, что Максимъ скончался вскорѣ послѣ казни, которой подвергся, онъ считаетъ вообще измышленіемъ «нечестивыхъ»⁴, и самъ рассказываетъ, что на дѣлѣ ему вскорѣ же послѣ ссылки въ Лазику, пограничную съ Авагіей, дарованы были Богомъ здравіе и способность рѣчи, и онъ жилъ тамъ еще около 3 лѣтъ, утверждая своимъ ученіемъ находившихся тамъ вѣрующихъ и приводя къ Богу чрезъ крещеніе невѣрныхъ, при этомъ своими трудами доставалъ средства къ жизни несмотря на свой преклонный возрастъ⁵. То, чтò до извѣстной степени можетъ относиться къ Анастасію апокрисиарію, здѣсь ошибочно утверждается о Максимѣ⁶.

¹ Епифановичъ, 21—2, 4,9-18, 5,9—6,2. Начало: «Ὁ ὁσιος καὶ τρισμυκριστος».

² 22,16-19: [Максиму] τὰς χεῖρας καὶ τὴν γλῶσσαν ἀκρωτηριάξουσιν καὶ ἐν Λαζικῇ εἰς ἐξορίαν πέμπουσιν. Τοὺς δὲ δύο μαθητὰς αὐτοῦ ὁμωνύμους Αναστασίου, τὸν μὲν πρεσβύτερον ἴσα τῷ διδασκάλῳ τιμωρησάμενοι, ἐν ἀλλοδαπῇ κατεδίκασαν, τὸν δὲ ἕτερον εἰς κάστρον τῆς Θράκης ἐξέπεμψαν.

³ 4,15-16: πανταχοῦ θεοσοφῶς ἐδίδασκε καὶ ἐκῆρτυεν, ἔχων εἰς τοῦτο συναγωνιστὰς Ἀναστάσιον τὸν πρεσβύτερον καὶ ἕτερον Ἀναστάσιον τὸν ἀποκρισιάριον αὐτοῦ.

⁴ Очевидно, еретиковъ-моноелитовъ, или, можетъ быть, монофиситовъ. Извѣстіе о смерти Максима передавалось имъ въ томъ видѣ, что онъ (22,20-21) μετὰ τὴν ἐκτομὴν τῆς αὐτοῦ γλῶσσης σκωληκίζρωτος γενόμενος ἐτελεύτησεν. Не говорилось ли это, напр., въ упомянутомъ сирійскомъ памфлетѣ, «Исторїи о Максимѣ» Григорїя или Георгїя?

⁵ 22,23-31: Μετὰ γὰρ τὸ ἐξορισθῆναι αὐτὸν ἐν Λαζικῇ τῇ πρὸς Ἀβασγίαν οὐ μετὰ πολὺ τὴν ὑγίειαν [ὑγείαν Епифан.] αὐτῷ ὁ θεὸς ἐδώρησάτο καὶ ἐλλάλει τρανέστατα ὑπὲρ τὸ πρό. ερον, πάντας τοὺς ἐκεῖσε διδάσκων καὶ ὑποστηρίζων τοὺς πιστοὺς, ἀπίστοις δὲ εἰς ἐπίγνωσιν τοῦ Χριστοῦ ὁδηγῶν καὶ διὰ τοῦ βαπτίσματος τῷ Θεῷ προσάγων. Ἐν τούτοις μέχρι τριετοῦ χρόνου ἐν τῇ ἐξορίᾳ διαρκέσας, ἑαυτῷ ἐν ταῖς τοῦ σώματος χρείαις διηκόνει, μὴ τινας ἐπιβαρῆς γενόμενος, καίτοι πρεσβύτερος καὶ πλήρης ἡμερῶν ὑπάρχων, πάντα πόνον μετ' ὑπομονῆς καὶ εὐχαριστίας γενναίως ὑπέφερε διὰ τὴν ἐλπίδα τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν.

⁶ Начало Ἐθλήσις ἐν ἐπιτόμῳ почти буквально (кроме первыхъ строкъ) воспроизводителъ въ памятникѣ константинопольскаго происхожденія, изданномъ А. А. Дмитріевскимъ по Патмосской рукописи IX—X в. (№ 266) и представляющемъ объединеніе краткихъ извлеченій изъ синаксарныхъ сказаній съ указаніями типикова. А. Дмитріевскій, Описание

Другая, въ греческихъ синаксаряхъ наиболѣе распространенная редакція особаго сказанія о Максимѣ, изданная впервые Комбефисомъ и въ новѣйшее время Delehaue, является въ общемъ сокращеніемъ первой и повторяетъ ея ошибки¹. Здѣсь даже прямо уже заявляется о прибытіи Максима «изъ Рима съ двумя Анастасіями, учениками его»². То же, что и тамъ, говорится о трехлѣтнемъ пребываніи Максима въ Лазикѣ и о судьбѣ Анастасіевъ. Но эпитетъ *πρεσβύτερος* въ отношеніи къ первому Анастасію здѣсь понимается въ смыслѣ указанія на возрастъ, почему другой Анастасій (анокрисарій), сосланный якобы въ одну изъ еракійскихъ крѣпостей и тамъ умершій, получаетъ эпитетъ *νεώτερος*³.

Не болѣе какъ простую риторическую амплификацію этой краткой редакціи представляетъ, наконецъ, третья извѣстная нынѣ редакція, которая имѣется въ «Царской» мишеѣ, изданной В. В. Латышевымъ; напечатана она и у С. Л. Епифановича⁴. Для характеристики амплификатора, незнакомаго, повидимому, ни съ какими другими памятниками о Максимѣ, кромѣ перерабатываемаго имъ сказанія, можно указать, что онъ не стѣсняется къ сообщенію о возвращеніи Максима «съ двумя его учениками» изъ Рима въ Константинополь прибавить еще измышленіе, будто онъ посе-

литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. I. 1. Кіевъ 1895, стр. 103=Епифановичъ, 21,6-13. Въмѣсто *πρότος* ἐν τοῖς μυστογράφοις γέρονος (21,8) здѣсь читается *πρωτοσκηρῆτης γέρονος*. Конечъ: *γέρονος μοναχός ἐν τῷ μοναστηρίῳ Χρυσοπέλει, ἐν ᾧ καὶ ἡγεόμενος γέρονος* (последніе словъ нѣтъ въ *Ἀθλησις*).

¹ Напечатана была Комбефисомъ въ изданіи твореній св. Максима, I, lxxxix—xc, по cod. Tilianus, и перепечатана въ PG, 90, 209—212. Н. Delehaue издалъ ее въ Synagarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi. Bruxellis 1902, подл. 21 января, с. 409—410, и подл. 13 августа, с. 887—890. Начало: «Οὗτος ἦν κατὰ τοὺς χρόνους Κωνσταντίνου, τοῦ ἐπικληθέντος Πωγωνάτου» (с.409), «Οὗτος ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου, τοῦ ἐπιγεγραμένου Πωγωνάτου» (с. 887), [*Ἀθλησις* - - Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ,] «ὡς ἐπὶ τῆς βασιλείας Κ. τ. ἑ. Π.» (Combefis). Указаніе нѣкоторыхъ рукописей и старопечатныхъ изданій (Хлудов. №№ 192, 193, 194, Хлуд. церк. печ. 142 [1641 г.], Моск. Акад. 835 [печ. 1660 съ поправками справника Евсимія], Моск. Никол. Единов. мон. 78, Хлуд. 188]) и текстъ славянскаго перевода этой редакціи дается у Муретова, 285—291.

² 409,33-34=888,15-17=PG, 90,209C: *Ἀναζεύξας δὲ ἀπὸ Ῥώμης μετὰ τῶν [τῶν нѣтъ въ текстѣ 888,16 и отмѣчено только какъ вариантъ въ D] δύο Ἀναστασιῶν τῶν μαθητῶν [αὐτοῦ нѣтъ въ текстѣ 409,34 и отмѣчено лишь какъ вариантъ въ Sa], εἰς εὐθόνας παρὰ τῆς συγκλήτου καθίσταται.*

³ 410,16=890,4=PG, 90, 212A.

⁴ Menologii Anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. Ed. V. Latyšev. Fasc. II. Petropoli 1912, p. 273—5, по cod. Hierosol. S. Sepulchri № 17, s. XII, и cod. Ambros. № 834 (olim 162), a. 1240 (писанъ Лаврентіемъ рутійскимъ). Епифановичъ, 23—25, по cod. Hierosol. № 16, s. XVI. Начало: «Καὶ πῶς ἂν τὴν παρὰ τῶν φιλοκάλων». «Рабское» отношеніе составителя къ своему источнику наглядно показывается чрезъ сопоставленіе текстовъ В. В. Латышевъ, Византійская «Царская» мишея. Исследование (Записки Академіи Наукъ по Истор.-Филолог. Отдѣленію. Т. XII, № 7). Петроградъ 1915, 277—280.

лился тамъ въ своемъ монастырѣ¹, утверждая православіе своими рѣчами и посланіями.

Кромѣ этихъ краткихъ сказаній² существуютъ еще два пространныя житія св. Максима разныхъ редакцій. Одно, уже упомянутое выше, представляетъ компиляцію, состоящую большею частію изъ буквальныхъ, иногда нѣсколько видовзмѣненныхъ и сокращенныхъ, выписокъ изъ разныхъ источниковъ: хроники Теофана, описанія суда надъ Максимомъ, письма Анастасія апокрисиарія къ Θεодосію гангрскому. Буквальныя извлечения сдѣланы и изъ названнаго выше Ἐθελήσις ἐν ἐπιτόμῳ³. Невѣрныхъ свѣдѣній о ссылкѣ Максима и обоихъ Анастасіевъ компиляторъ не могъ принять въ виду точныхъ указаній въ приведенномъ у него письмѣ самого Анастасія апокрисиарія. Однако, хотя этотъ Анастасій и извѣстенъ ему, какъ «пресвитеръ и апокрисиарій древняго Рима»⁴, и у него въ выпискѣ изъ Ἐθελήσις осталось несправленнымъ различіе «пресвитера Анастасія и «другого Анастасія, апокрисиарія его»⁵.

Въ изобиліи появляются невѣрныя сообщенія, частію уже въ иномъ нѣсколько видѣ, въ упомянутомъ также выше грузинскомъ переводѣ этого житія⁶; переводчикъ дополнялъ греческій текстъ оригинала частію на основаніи другихъ греческихъ памятниковъ, частію, повидимому, путемъ собственныхъ догадокъ. Анастасій монахъ и здѣсь является въ качествѣ «пресвитера», Анастасій же апокрисиарій оказывается уже почему-то «діакономъ»⁷. Послѣдній возвратился, будто бы, изъ своей ссылки въ Мингрелію, по смерти императора Константа († 668), въ Грецію. Говорится не о трехлѣтнемъ нахожденіи Максима въ кавказской ссылкѣ, а лишь о четырехмѣсячномъ. Но на него въ то же время явно переносится по недоразумѣнію

¹ Latyšev, 275,8-9=Епифановичъ, 24,18: τῷ ἰδίῳ μοναστηρίῳ παρέβηλε.

² На славянскомъ языкѣ имѣется еще весьма краткая особая редакция синаксарнаго разказа, съ неодинаковымъ началомъ въ разныхъ рукописяхъ, изданная Муретовымъ (292—6). Начало въ одной подредакціи (августъ): «(Тъ) стынъ Максимъ», въ другой (январь): «Блженны оць нашъ Максимъ». Греческіе подлинники этихъ текстовъ еще не указаны; возможно, что они скрываются въ ряду рукописныхъ синаксарей, перечисленныхъ у Delehaye.

³ Житіе издано по рук. Моск. Синод. библ. № 380, 1022 г., за исключеніемъ отдѣловъ изъ описанія суда надъ Максимомъ, которые были уже ранѣе извѣстны, у Муретова, въ разныхъ мѣстахъ его перевода, и у Епифановича, 1—10. Начало: «Προκλήτου τῶν σκήπτρων τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἐπικλημένον».

⁴ Муретовъ, 161=Епифановичъ, 9,2.

⁵ Муретовъ, 37=Епифановичъ, 4,16.

⁶ Переводъ на русскій языкъ прот. К. Кекелддзе въ ТрКА, 1912, ноябрь, 451—484 (отд. оттискъ, 42—75).

⁷ 458 (=49).

то, что рассказываетъ у Θεодосія гангрскаго объ Анастасіи апокрисиаріи: будто онъ писалъ письма изъ заключенія, привязавъ перо къ искалѣченной рукѣ; въ частности, онъ писалъ незадолго до своей кончины, предсказанной имъ за 7 дней, и Анастасію «діакону»¹.

Для византійскихъ читателей житіе этой редакціи было, вѣроятно вскорѣ же послѣ его появленія, замѣнено и повидимому вытѣснено другимъ, въ которомъ вмѣсто буквальныхъ выписокъ изъ источниковъ предлагалось краснорѣчіе самого автора². Какихъ-либо новыхъ сколько-нибудь важныхъ

¹ 478 (=69). Прот. Кекелидзе, довѣряя вставкѣ въ грузинскомъ переводѣ этого житія, въ извлеченіи изъ Анастасія апокрисиарія, 477—8 (=68—9): «Другого же Анастасія, который описалъ все это и прислалъ мнѣ, пресвитеру Θεодосію, написавшему все настоящее подвижничество святого Максима, заключили въ крѣпости, по имени Бокеле, на границахъ же Осетіи», полагаетъ, что авторомъ первоначальной редакціи греческаго житія, съ которой сдѣланъ этотъ переводъ, за вычетомъ изъ послѣдняго разныхъ интерполяцій, былъ не кто другой, какъ Θεодосій гангрскій, и оно было написано вскорѣ послѣ VI всел. собора; общія мѣста съ хронографіей Θεοφана Иповѣдника онъ объясняетъ зависимостью Θεοφана отъ житія, а не наоборотъ, какъ Епифановичъ (ТрКА, сентябрь, 10—13). Съ нимъ соглашается и Муретовъ, усматривая въ самомъ изданномъ имъ текстѣ житія признаки большей его древности въ сравненіи съ Θεοφаномъ (21, 37).—Но значеніе указанной вставки подыравается уже дальнѣйшими совершенно невѣрными сообщеніями касательно «діакона» Анастасія и самого Максима, и нѣтъ основаній довѣрять ей больше, чѣмъ послѣднимъ. О намѣреніи писать житіе Максима, которое Кекелидзе усматриваетъ (11—12) въ запискѣ Θεοδосія PG, 90, 200D=Епиф. 12), на дѣлѣ тамъ не говорится; епископъ Николаѣ, будто бы побудившій его къ этому, упоминается въ житіи совсѣмъ иной редакціи. Что касается взаимоотношенія текстовъ, то въ дѣйствительности Sermo tertius Анастасія Синаита послужилъ и для Θεοφана, и для автора житія однимъ изъ источниковъ нѣкоторыхъ общихъ для нихъ (а не какихъ-либо особенныхъ для Θεοφана) свѣдѣній. Между прочимъ, на этотъ крайне неудовлетворительный источникъ Θεοφана обратилъ вниманіе уже В. В. Болотовъ (ИВр, XIV, 99—100). При буквальномъ вообще сходствѣ, Θεοφанъ при этомъ пытается исправить нѣкоторыя несообразности Анастасія, замѣняя, однако, ихъ новыми. Указываемая Муретовымъ разность въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ у Θεοφана и въ житіи не даетъ основаній къ заключенію о большей древности послѣдняго, особенно если имѣть при этомъ въ виду чтенія у Анастасія (между прочимъ, нужно замѣтить, что фраза Мур. 21=Епиф. 2,ю: τοῦτο γὰρ ἦν τὸ ἀγνώμην, не говоритъ о «невѣжествѣ» Ираклія, а имѣетъ отношеніе къ выше стоящему, 15=1,14: ἀγνώμην ἠγνώσε δέγιστον. Ср. Евр. IX, 6). Прот. Кекелидзе часть интерполяцій въ грузинскомъ переводѣ въ сравненіи съ текстомъ житія въ рук. Моск. Синод. библ. № 380 относитъ на счетъ греческаго оригинала житія, бывшаго въ распоряженіи переводчика (ТрКА, 1912, сентябрь, 7—9). Но вѣроятнѣе и въ нихъ видѣть также прибавки Еввоимія, имѣвшаго подъ руками частію другіе греческіе источники, вообще же, какъ отмѣчаетъ и Кекелидзе (5—6), весьма свободно обращавашагося съ переподанными текстами.

² Греческій текстъ житія съ латинскимъ переводомъ былъ изданъ Комбефисомъ въ S. Maximi Opera. I (1675), i—xxvii, по cod. Regius (лат. переводъ былъ напечатанъ имъ еще ранѣе въ S. Maximi Confessoris Vita et Acta aliaque prolegomena. Parisiis 1670, p. 1—56). Въ Acta Sanctorum, augusti t. III (1737), p. 118—132, Pinius помѣстилъ латинскій переводъ Понтана (Pontanus, † 1626) съ неизвѣстной греческой рукописи, сличивъ его съ изданіемъ Комбефиса и съ греч. cod. ducis Sabaudiae. Моринъ, переводъ котораго (акты суда надъ Максимомъ и конецъ житія) приводится въ Анналахъ Баронія, а. 656, 657, зналъ 3 ватиканскихъ рукописи. Муретовъ пользовался при своемъ переводѣ рук. Моск. Синод. библ. № 391 XV в. (2 листа XII—XIII в.); вмѣсто XIX—XXXIII главъ здѣсь даются акты суда надъ

матеріаловъ авторъ не имѣлъ. Оупущеніе ненужныхъ для цѣлей риторики разныхъ фактическихъ подробностей первоисточниковъ дѣлало его болѣе легкимъ для чтенія, но менѣе цѣннымъ въ историческомъ отношеніи. Грубыхъ ошибокъ о концѣ жизни Максима и это житіе, воспроизводя данныя предыдущаго житія, избѣгаетъ.

Маловажные сами по себѣ, эти болѣе или менѣе поздніе памятники, особыя краткія сказанія о Максимѣ и пространныя житія его, въ данномъ случаѣ представляютъ тогъ интересъ, что по вопросу о мѣстѣ погребенія св. Максима содержатъ въ себѣ, за исключеніемъ лишь послѣдняго¹, весьма определенное указаніе, какого нѣтъ въ древнѣйшихъ извѣстныхъ документахъ: Максимъ былъ погребенъ въ Лазикѣ («въ монастырѣ св. Арсенія», или, по нѣкоторымъ рукописямъ одного изъ этихъ памятниковъ, «св. Арсакія»).

Максимомъ почти въ цѣломъ видѣ (позднѣйшая замѣна?). У Комбениса (очевидно, какъ въ сод. Regius) пропускъ между главами XVI и XVII. Въ PG, 90, 67—110, данъ текстъ Комбениса. Начало: «Καὶ πάντων μὲν τῶν κατὰ θεῶν.—Авторъ сообщаетъ, что къ написанію этого труда побудилъ его своими настоятельными просьбами усердный почитатель Максима и его произведеній епископъ Николай (PG, 90, 109A, ср. 68C: οὗτω - - καὶ ὅτι τὸ χρέος ἀφοσιώσασμεν, τὸν περὶ ἐκείνου λόγον, εἴπερ τι ἄλλο, ἀπαραίτητως εἰσπράττουσιν). Нѣтъ особыхъ основаній видѣть въ этомъ Николаѣ константинопольскаго патріарха Николая Мистика (901—907, 912—925), какъ признаетъ это и самъ В. В. Латышевъ, обратившій на него вниманіе въ своемъ изслѣдованіи о «Царской» мишеѣ (276). Но можно сдѣлать предположеніе, не тождественъ ли упоминаемый въ житіи Николай съ керкирскимъ митрополитомъ этого имени, современникомъ Алексія I Комнина (1081—1118), присутствовавшимъ на соборѣ въ Константинополѣ въ 1117 г., потомъ оставившимъ, по не совсемъ яснымъ причинамъ, свою кафедру (ср. о немъ К. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litteratur. München 1897², 745—6). Свой особый интересъ къ произведеніямъ Максима Николай керкирскій заявилъ составленіемъ обширнаго комментарія на его «Главы о любви». Въ прологѣ, который только доселѣ и изданъ въ *Σπ. Αἰμ. προσ. Κερκυραϊκὰ ἀνέκδοτα*. Ἐν Ἀθήναις 1882, 27—8, онъ обращается, какъ полагаютъ издатель (29), по всей вѣроятности именно къ указанному императору («δέσποτα»), и отъ него онъ, можетъ быть, получилъ порученіе написать этотъ комментарий. Характерное свидѣтельство о глубокомъ уваженіи и интересѣ къ твореніямъ Максима супруги императора, Ирины, даетъ дочь Алексія и Ирины, Анна Комнина, въ своей «Алексіадѣ» (ср. у Комбениса, PG, 90, 239D—240A). Появленіе рассматриваемой редакціи житія Максима въ эту эпоху, когда на Максима обращено было, повидимому, особое вниманіе, было бы, очевидно, вполне естественно. Неупоминаніе авторомъ житія о составленіи самимъ Николаемъ комментарія на одно изъ твореній Максима можетъ быть объясняемо — если только именно этотъ Николай заставлялъ его взяться за перо — тѣмъ, что житіе было написано раньше комментарія. Слѣдуетъ замѣтить, что и константинопольскій патріархъ временъ Алексія Комнина также былъ Николай (Грамматикъ, 1084—1111), но объ отношеніяхъ и его къ Максиму, какъ и объ отношеніяхъ Николая Мистика, повидимому, нѣтъ свѣдѣній.

¹ Въ изданной Муретовымъ особой сокращенной редакціи сказанія на славянскомъ языкѣ также нѣтъ упоминанія о монастырѣ Арсенія, и говорится лишь о заточеніи Максима съ учениками въ «лазунскую» (др. чтенія: лазаньскую, лавоньскую) землю или страну (295).

Въ Ἀθλήσις ἐν ἐπιτόμῳ, послѣ разсказа о трехлѣтнемъ пребываніи Максима въ Лазикѣ, сообщается: «ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Θεὸς προτλαβέσθαι αὐτόν, μικρὸν νοσήσας ἀνεπαύσατο μηνὶ Αὐγούστῳ τρισκαίδεκάτῃ καὶ ἑτάφῃ ἐν Λαζικῇ ἐν τῷ μοναστηρίῳ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου, ἐνθα καὶ ἰάσεις πλείσται γίνονται εἰς δόξαν τοῦ Θεοῦ ἡμῶν»¹.

Такъ какъ другіе авторы зависятъ отъ этого памятника и воспроизводятъ лишь его сообщеніе², то съ нимъ только, очевидно, и нужно считаться. Можетъ возникать здѣсь, кромѣ вопроса о достовѣрности и дѣйствительномъ значеніи этого извѣстія, еще вопросъ о правильности чтенія «Ἀρσενίου». Но нѣтъ, повидимому, основаній предпочитать ему «Ἀρσαχίου»³.

¹ Епифановичъ, 22,31-33.

² Въ синаксарномъ сказаніи, въ изданіи Delehaue по cod. Berol. 219, s. XII—XIII. (=S), подъ 21 января, 410,7-10: Καὶ κατέβηκαν αὐτὸν ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Ἀρσαχίου ἐν αὐτῇ τῇ χώρᾳ τῶν Λαζῶν, πολλὰς θαυμάτων ἐνεργείας καθ' ἑκάστην ποιοῦντα. Но подъ 13 августа, 889,10-13: Καὶ κατέβη, ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου ἐν αὐτῇ - - καθ' ἑκάστην ποιοῦν (то же у Combesis, PG, 90, 209D: καὶ κατέβη, - - καθ' ἑκάστην τελῶν). При указаніи вариантовъ, для 410,8: Ἀρσαχίου, Delehaue замѣчаетъ, 409—410,42: Ἀρσενίου Sa [=Paris. 1594, s. XII], ita quoque cod. Tiliianus, apud Combesis, PG. t. XC, p. 209. Однако, въ Adnotationes въ концѣ книги, 982, дѣлается поправка: 410,8: *Legendum cum Sa aliisque Ἀρσαχίου*. Въ какихъ именно «другихъ» кодексахъ читается Ἀρσαχίου, Delehaue не указываетъ. Для памяти Максима онъ отмѣчаетъ «synaxaria selecta» подъ 21 января въ рукописяхъ: Sa, Sb, Da (=Ba), Db, Ba (=S), Bb, C, M, My, Mg: подъ 13 августа: H, P, D, Da, Db, K, N, Bb, Bc, C, Ce, R. Ra, Rb, Rc, Mc. Изъ нихъ P есть упомянутая выше Патмосская рукопись № 266, содержащая только начало Ἀθλήσις ἐν ἐπιτόμῳ. Въ K=рук. Петрогр. Публ. библ. № 240 («Петровъ Синаксарь» 1249 г.), л. 55, данное мѣсто читается вполне согласно съ изданіемъ Комбесиса. Въ славянскомъ переводѣ этой редакціи сказанія, изданной у Муретова, 290, читается: и положень бысть (Ево. положися) во обители святаго Арсенія, въ той веси (Ево. странѣ) Лазикійствѣй (Хл. [192?, Лазикійствѣй]), и (оп. Хл.) многа содѣванія (Хл. содѣванія) чудеса (Ево. дѣйства чудеса, Хл. чудеса) творя повсегда. — Въ амплификаціи этого сказанія, Latusev, 275,27-30=Епифановичъ, 24,33—25,25: καὶ τῇ μονῇ κατατίθεται τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀρσενίου, τῇ κατ' αὐτὴν τὴν χώρην τῶν Λαζῶν τοῦ χαλκῆου, πολλὰς θαυμάτων ἐνεργείας ἐφ' ἑκάστης τελῶν. — Въ первомъ пространномъ житіи, Епифановичъ, 10,5-6: καὶ ἑτάφῃ ἐν μοναστηρίῳ λεγομένῳ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου. — Въ грузинской переработкѣ этого житія, Кекелидзе, 479 (70): Но близости къ крѣпости той нахедился монастырь святаго Арсенія, гдѣ и похоронили святое тѣло его во славу Господа нашего Исуса Христа. — Наконецъ, въ грузинскомъ синаксарномъ сказаніи, составленномъ частью на основаніи житія, 486 (77): Тѣло его похоронили въ монастырѣ святаго Арсенія, причемъ на гробницѣ его бываетъ много исцѣленій и знаменій даже до сего дня.

³ Ἀρσαχίου, какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія, встрѣчается лишь въ одной группѣ текстовъ наиболѣе распространеннаго синаксарнаго сказанія — подъ 21 января (но неясно, во всѣхъ ли безъ исключенія рукописяхъ), тогда какъ въ текстахъ того же сказанія подъ 13 августа (также неизвѣстно, вездѣ ли) стоитъ Ἀρσενίου, и оно имѣется и въ другихъ памятникахъ. Правда, менѣе обычное Ἀρσαχίου скорѣе могло быть передѣлано въ болѣе извѣстное Ἀρσενίου, нежели обратно. Но если Ἀθλήσις ἐν ἐπιτόμῳ древнѣе этого сказанія, и въ немъ читается Ἀρσενίου, это можетъ говорить за правильность такого чтенія независимо отъ древности рукописи, въ которой Ἀθλήσις сохранилось.

III.

Мѣстное кавказское преданіе въ данномъ случаѣ должно бы имѣть рѣшающее значеніе, если бы можно было твердо установить, что оно идетъ непрерывно уже отъ VII вѣка. Но насколько извѣстно, вполнѣ определенное указаніе съ этой стороны, отождествленіе съ мѣстомъ погребенія Максима извѣстнаго географическаго пункта, выступаетъ въ сравнительно уже позднѣйшее время.

Трудно сказать, основывается ли на слышанномъ въ самой Лазикѣ, или же лишь на прочитанномъ у Анастасія апокрисиарія или Θεодосія гангрскаго, или же, наконецъ, — какъ можетъ это оказаться по изслѣдованіи рукописнаго преданія — является уже позднѣйшею вставкою, сообщеніе въ произведеніи константинопольскаго монаха и пресвитера Епифанія, который въ началѣ IX в. предпринялъ путешествіе по южному, восточному и сѣверо-восточному побережью Чернаго моря, съ цѣлью собрать мѣстные преданія въ предполагаемыхъ мѣстахъ проповѣднической дѣятельности ап. Андрея, и написалъ на основаніи этихъ преданій, главнымъ же образомъ на основаніи разныхъ апокрифическихъ сказаній, обширное житіе апостола¹.

Вмѣстѣ съ Симономъ Кананитомъ и Матоемъ, Андрей, по разсказу житія, пришелъ, въ своемъ третьемъ путешествіи, изъ Одессы въ Ивирию, дошелъ до Фасиса и затѣмъ прибылъ въ Сванію, гдѣ управленіе находилось въ рукахъ женщины и гдѣ проповѣдь апостоловъ въ виду этого имѣла скорый успѣхъ. Въ славянскомъ переводѣ житія далѣе продолжается: «И при-

¹ Житіе доселѣ имѣется лишь въ весьма неудовлетворительномъ изданіи Dressel'а (1843), по cod. Vat. 824, s. XII; перепечатано въ PG, 120. Между тѣмъ, напр., Bonnet указываетъ еще 3 рукописи, не использованныя издателемъ. Изъ неизданнаго славянскаго перевода часть текста напечаталъ В. Г. Васильевскій въ статьѣ: Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянтъ, въ ЖМНИР, ч. 189, 1877, февраль, отд. II, 167—9, по рук. Соф. 1136, XV—XVI в.; въ изданіи Трудовъ В. Г. Васильевскаго, II, 1. Спб. 1909, 273—7, перепечатано съ указаніемъ редакторомъ (П. В. Никитинимъ) вариантовъ изъ другихъ, частью болѣе близкихъ къ извѣстному греческому подлиннику рукописей. Вообще объ этомъ памятникѣ ср. Васильевскій, 160—170 (264—278), и J. Flaminion, Les Actes Apocryphes de l'Apôtre André. Louvain 1911, 70—8, 192—204.—На основѣ житія, частью съ сокращеніями, частью съ дополненіями, написанъ неизвѣстнымъ авторомъ, въ томъ же IX вѣкѣ, панегирикъ въ честь ап. Андрея, изданный Bonnet въ АВ, XIII, 1894, 311—352, и отдѣльно въ Supplementum codicis apocryphi, II, 3—44 (ср. Flaminion, 70—85, 205—211). Въ связи съ тѣмъ и другимъ памятникомъ стоитъ метафрастовская переработка житія въ минеяхъ (Flaminion, 85—7, 211—2). Грузинская редакция житія (русскій переводъ въ ХрЧт, 1869, II, 151—180) обнаруживаетъ сходство съ панегирикомъ; на грузинскій языкъ житіе или дѣянія ап. Андрея переведены Еввоиміемъ аеопскимъ. Упомянутія о Химарѣ въ этихъ памятникахъ, зависящихъ отъ житія Епифанія, не имѣются, насколько можно судить по имѣющимся печатнымъ изданіямъ ихъ.

доша въ Химарь градъ: тужде до днесъ [день у Васильевскаго] есть покой многострастнику Максиму¹. Матѣиѣ остался съ учениками въ этихъ странахъ, Симонъ и Андрей ушли въ Аланію въ городъ Фусту (εις Φούστα πόλιν), затѣмъ въ Авастию въ Севастополь, наконецъ, одинъ уже Андрей, оставивъ Симона, пришелъ въ Зикхію, отсюда къ верхнимъ Сугдеямъ, затѣмъ въ Воспоръ (Керчь), до котораго доходилъ и самъ авторъ житія.

Но если и предполагать, что замѣчаніе о мѣстѣ упокоенія Максима принадлежитъ самому Епифанію и получено имъ не книжнымъ путемъ, а изъ живого мѣстнаго преданія (въ задачу Епифанія во время его путешествія входило собираніе свѣдѣній и вообще о мѣстныхъ святыхъ)², оно не идетъ дальше того, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Интересъ представляетъ здѣсь только форма названія «Химарь» для «Συμηάρις—Συχημάρις», въ греческихъ доселѣ извѣстныхъ памятникахъ не имѣющая пока соотвѣтствія для себя.

Сообщенія какихъ-либо мѣстныхъ грузинскихъ преданій о св. Максимѣ, его пребываніи въ Лазикѣ и погребеніи тамъ, скорѣе всего, повидимому, можно было бы ожидать отъ переводчика житія его и разныхъ его произведеній, св. Евѣимія аѳонскаго. Евѣимій происходилъ изъ примыкавшей именно къ Лазикѣ съ ю.-в. Самцхійской области; если самъ онъ уже съ раннихъ лѣтъ попалъ въ Византію, то преданія о Максимѣ онъ могъ бы, повидимому, знать и могъ бы получить необходимыя топографическія разъясненія отъ своего отца, св. Иоанна, особенно если переводъ житія былъ выполненъ имъ еще при жизни послѣдняго († 998), какъ полагаетъ прот. Кекелидзе³. Но въ данномъ случаѣ онъ ограничивается въ сущности только передачею греческихъ свѣдѣній, поставляя лишь «химарь» вмѣсто «Схимар[ис]ъ» и замѣняя греческое названіе «алаповъ» грузинскимъ («по близости къ странѣ осетинской»). Никакихъ особыхъ поясненій и замѣчаній къ греческому тексту онъ не дѣлаетъ, какъ и Георгій Мтацминдели въ синокарномъ сказаніи, повторяющій данныя житія.

Но, какъ сообщаетъ прот. Кекелидзе въ разныхъ мѣстахъ своей статьи, пояснительныя замѣчанія касательно разныхъ упоминаемыхъ въ

¹ Васильевскій, 168=275, 12-15. Варианты, 277: вмѣсто тужде—иже *М* [Моск. Син. 799]; день *С* [Соп. 1136], днѣ *ВУ* [Волокол. 194, Моск. Син. 988], до днесъ *М*, и до дне *К* [Кир. 59/1130]; многострадалному *К*, многострадалцу *М*. «День» у Васильевскаго взято изъ *С*, но, очевидно, вѣрнымъ нужно признать «до днесъ».

² PG, 120, 221C: λοιπόν περιερχόμενοι χώρας καὶ πόλεις μέχρι Βοσπόρου πολλῶ πόνῳ διερχόμενοι ἤρευθόμεν περὶ τῶν ἐγγυθρίων ἁγίων καὶ εἴ ποῦ ἐστὶ λαίφανα· καὶ πολλῶν ἐτύχομεν. Ὅπου δὲ οὐκ ἐφθάσαμεν, τοὺς παρατυγχάνοντας ἀκριβῶς διερωτῶμεν καὶ ἡδέως ἐμανθάνομεν.

³ ТрКА, 1912, сентябрь, 4—5.

текстѣ мѣстностей имѣются зато въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ этого послѣдняго сказанія на поляхъ и относятся они къ весьма древнему времени. «Въ рукоп. XII вѣка Тифл. ц.-арх. музея № 222, на стр. 440, противъ того мѣста, гдѣ говорится о блаженной кончинѣ препод. Максима, на полѣ сохранилась нѣсколько пострадавшая унциальная киноварная приписка, сдѣланная почеркомъ XII вѣка: „мощи святаго Максима покоятся (въ крѣпости Мури) близъ Цагери“». Въ примѣчаніи прот. Кекелидзе поясняетъ, что «грузинскія слова, соответствующія выраженію „въ крѣпости Мури“, транскрибированы трудно разбираемыми теперь, почти что шедшими, греческими буквами»¹. Если эта приписка относится дѣйствительно къ XII в., то уже тогда мѣсто заключенія и погребенія Максима было отождествляемо съ извѣстною и нынѣ мѣстностью Мури, близъ Цагери, гдѣ находится и крѣпость съ этимъ именемъ, и если транскрибированныя погречески слова разобраны вѣрно, то тогда было въ употребленіи и самое названіе «Мури».

Съ этой замѣткою несогласно, однако, показаніе схолиаста въ другой рукописи синаксаря, № 97, XI в. Этотъ схолиастъ, повидямому, специально интересовался вопросомъ объ отождествленіи упоминаемыхъ въ сказаніи названій съ современными ему географическими обозначеніями. «Котори», напр., даже выскоблено въ текстѣ и замѣнено черезъ «Цебери», на полѣ же сдѣлано поясненіе: «Цебери то же самое, что и Цебельда»². Относительно «Бокеле» на полѣ пояснено, что это есть «Бокери»³. Въмѣсто «въ крѣпость Такверскую» другихъ рукописей, даже въ текстѣ читается: «въ крѣпость Квара въ [мѣстности] Такверш»⁴. Здѣсь, между тѣмъ, «шимаръ» не только не приравнивается уже къ Мури и оставлено безъ поясненія, но о «крѣпости сванской земли» дѣлается поясненіе: «сванской земли крѣпость, это — Мури»⁵. Такимъ образомъ, схолиастъ, къ какому бы времени онъ ни относился (Кекелидзе называетъ его «позднѣйшимъ»), отождествляетъ Мури не съ мѣстомъ заключенія Максима — «шимаромъ», но съ мѣстомъ заключенія Анастасія монаха — «крѣпостью сванской земли».

Въ позднѣйшее время определенное указаніе относительно мѣста погребенія св. Максима дается въ «Географіи Грузіи» царевича Вахушта, составленной имъ въ 1745 г. на основаніи привезенныхъ при переселеніи

¹ 35.

² 27,2.

³ 28.

⁴ 485 (76), стр. 31,3.

⁵ 30.

въ Москву его отца Вахтанга разныхъ грузинскихъ памятниковъ, принадлежавшихъ царскому дому¹.

У Вахушта упоминается при описаніи области Лечхумъ въ Имеретіи монастырь св. Максима Исповѣдника, въ которомъ онъ похороненъ, находящійся выше селенія Цагери, при чемъ вблизи его, еще выше, находится крѣпость Мури.

«Выше этой рѣчки [на которой находится крѣпость Орбети], въ центрѣ Лечхума, на берегу Цхенись-цкали, на скалѣ, стоитъ крѣпость Дехвири, глава Таквери: ибо кто владѣетъ ею, все прочее подчиняется тому. На югъ отъ нея и на востокъ отъ Цхенись-цкали въ Цагери находится церковь, громадная, съ куполомъ. Она — резиденція епископа, пастыря Лечхума и Сванетіи. Выше того находится монастырь, называемый (монастыремъ) Максима Исповѣдника, и въ немъ похороненъ Максимъ Исповѣдникъ. Построенъ онъ великолѣпно, на хорошемъ мѣстѣ, а теперь остается въ завѣдываніи священника. Выше того, на Цхенись-цкали, подъ Кавказомъ, находится крѣпость Мурись-цихе, никѣмъ не разрушенная и не взятая. Оттуда переходитъ дорога въ Сванетію»². Монастырь св. Максима отмѣченъ у Вахушта и на картѣ Имеретіи³.

Какъ видно изъ одного примѣчанія у Вахушта (по поводу крѣпости Таквери), ему извѣстенъ былъ грузинскій синаксарный рассказъ о св. Максимѣ, и именно, какъ указываетъ прот. Кекелидзе, въ упомянутомъ спискѣ № 97⁴, или вообще въ редакціи этого списка. Что именно крѣпость Мури была мѣстомъ заключенія Максима, этого Вахуштъ прямо не говоритъ, и это можно выводить лишь изъ того факта, что въ непосредственной близости къ «монастырю Максима» находится эта крѣпость.

О существованіи и въ настоящее время мѣстнаго преданія о погребеніи св. Максима въ мѣстности Мури заявлялъ, прежде всего, въ своемъ отношеніи въ Грузино-Имеретинскую Синодальную Контору отъ

¹ Description géographique de la Géorgie, par le tsarévitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe par M. Brosset. S.-Pétersbourg 1842 (съ франц. переводомъ). Новое изданіе сдѣлано М. Г. Джанашвили въ 1904 г. и отдѣльно напечатанъ имъ русскій переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями: Царевичъ Вахушти, Географія Грузіи. Тифлисъ 1904.

² Джанашвили, 200—1; Brosset, 348—351; ср. Кекелидзе, 34—5.

³ Brosset, карта № 5: Maximès-Monastéri. Мури и монастырь Максима имѣются также на хранящихся въ Военно-Ученомъ Архивѣ Военнаго Министерства рисованныхъ отъ руки картахъ, одной — Черноморскаго побережья и р. Ріона, начала XVIII в., съ обозначеніями на грузинскомъ языкѣ, и другой — Кавказа, 1743 г., съ обозначеніями на грузинскомъ и вмѣстѣ русскомъ языкахъ.

⁴ Кекелидзе, 31,3.

6 сентября 1908 г. Лечхумскій уѣздный исправникъ А. К. Энкель. По его словамъ, по вступленіи, въ 1907 г., въ управленіе Лечхумскимъ уѣздомъ, онъ «обратилъ вниманіе на существующее въ семь уѣздѣ убѣжденіе населенія въ томъ, что признанный вселенскою церковью святымъ Максимъ Исповѣдникъ погребенъ въ этомъ уѣздѣ въ селеніи Чхутели, Цагерскаго сельскаго общества, въ мѣстности Мури, на лѣвомъ берегу р. Цхенись-цкали, по близости Мурскаго моста чрезъ эту рѣку. На этомъ мѣстѣ и нынѣ находятся развалины маленькой часовни, построенной въ 17 вѣкѣ, на мѣстѣ большого монастыря имени св. Максима Исповѣдника, надъ могилою его. - Онъ жилъ въ мѣстности Мури, умеръ здѣсь въ 662 г. и, по народному преданію, тутъ же и погребенъ. И нынѣ еще, во время засухи или слишкомъ большого обилія дождей, или другихъ народныхъ бѣдствій, населеніе приходитъ на богомоленіе къ мѣсту, гдѣ погребенъ св. Максимъ Исповѣдникъ (къ упомянутой древней часовнѣ), и, послѣ молитвъ, всегда достигаетъ прекращенія бѣдствія». Въ виду этого Энкель и обратился въ Синодальную Контору съ просьбою ходатайствовать предъ Св. Синодомъ «о повсемѣстномъ въ Имперіи объявленіи», по провѣркѣ относящихся сюда данныхъ, «о мѣстѣ нахождения могилы названнаго святого».

Въ представленной затѣмъ епископомъ имеретинскимъ Георгіемъ въ 1909 году запискѣ Ѳ. Жорданіи, послѣ ссылокъ на Вахушта, его карту и текстъ его труда, въ доказательство того, что Максимъ погребенъ въ Мури,—о современномъ положеніи дѣла сообщается слѣдующее: «Нынѣ же по рассказамъ мѣстнаго населенія оказывается: а) описанный царевичемъ Вахуштіемъ монастырь разрушенъ бомбами до основанія, вѣроятно, во время междоусобныхъ войнъ и битвъ подъ стѣнами крѣпости Мури, вслѣдствіе близости сего монастыря отъ названной крѣпости (около 600 шаговъ), дѣлавшей возможнымъ [въ запискѣ: возможно] обращеніе монастырскихъ сооружений въ прикрытіе [въ запискѣ: прикрытіемъ] для осаждавшей крѣпость стороны. Извѣстно, что по этой именно причинѣ былъ бомбами разрушенъ въ 1692 г. знаменитый Багратовъ храмъ въ Кутаисѣ, выстроенный въ 1009 году; б) изъ весьма значительныхъ сооружений древняго монастыря Арсенія, получившаго послѣ погребенія въ немъ тѣла знаменитаго вселенскаго учителя новое названіе монастыря св. Максима Исповѣдника, остались лишь слѣды фундаментовъ, оправдывающихъ указаніе географа Вахуштія о сравнительной обширности монастырскихъ сооружений; в) на мѣстѣ бывшаго изящнаго храма, указываемаго Вахуштіемъ, былъ воздвигнутъ надъ могилою святого Исповѣдника маленькаго размѣра храмъ грубой и непрочной работы, въ родѣ часовни съ алтаремъ, подъ ко-

торымъ предполагаются святыя мощи Максима Исповѣдника, ибо по обычаю древней церкви, святыхъ хоронили подъ алтаремъ; г) нынѣшній малый храмъ обрушился въ сводахъ; д) могила св. Максима составляетъ предметъ особеннаго почитанія окрестныхъ жителей: во время общихъ бѣдствій (голода, засухи, непрерывныхъ дождей, мора и т. п.) все окрестное населеніе, надѣвъ на шею веревки изъ скрученныхъ прутьевъ въ знакъ смиренія и раскаянія, устремляется съ пѣніемъ составленнаго народомъ стихотворенія въ честь святого Максима къ могилѣ его въ названную часовню и усердною молитвой всегда получаютъ просимое облегченіе; е) разнообразныя легенды и народныя преданія окружаютъ святое мѣсто погребенія Максима Исповѣдника, какъ «патрона» или покровителя окрестныхъ народностей; ж) монастырь св. Максима отстоитъ: отъ крѣпости Мури на разстояніи не болѣе 200 сажень, отъ крѣпости Таквери — около 10 верстъ, отъ крѣпости Орбели — 7 верстъ, отъ мѣстечка Цагери (уѣздный городъ) — около одной версты, отъ крѣпости Бокви (Бокересь) — около 40 верстъ, отъ крѣпости Кодора (Котори) — около 100 верстъ. Монастырь расположенъ на равнинѣ у подножія крѣпости Мури въ живописной мѣстности на берегу рѣки Цхенись-цкали на самой дорогѣ, ведущей въ Сванетію и губернской городъ».

У прот. К. Кекелидзе, въ его статьѣ, гдѣ доказывается, что Мури есть Схимарисъ=Имаръ, между прочимъ говорится: «Въ настоящее время монастыря, собственно говоря, уже нѣтъ, отъ него остались лишь развалины, на которыхъ теперь стоитъ маленькая полуразрушившаяся церковка имени св. Максима, не позднѣе начала XVIII вѣка, которая, хотя и отремонтирована кое-какъ недавно, но для совершенія въ ней службы пока еще не годна. Монастырь этотъ и есть, безъ сомнѣнія, упоминаемый въ *Житіи* монастырь св. Арсенія, который, послѣ погребенія въ немъ святого Исповѣдника, могъ быть переименованъ въ монастырь св. Максима». Указываются далѣе сначала письменное (приписка въ рукоп. Тифл. ц.-арх. Музея № 222), затѣмъ устное преданіе въ подтвержденіе того, что св. Максимъ страдалъ и умеръ именно здѣсь. «По одной, вращающейся въ мѣстномъ населеніи, легендѣ, святого Максима убили въ деревнѣ Дехвири (въ Лечхумѣ же). Дѣло происходило будто бы такъ: разъ, во время молотбы, св. Максимъ пришелъ къ одному крестьянину, причемъ съ его приходомъ полилъ сильный дождь; то же самое случилось и другой разъ, когда Максимъ пришелъ къ этому крестьянину. Крестьянинъ, терпѣвшій отъ дождя, причину своего горя увидѣлъ въ Максимѣ, поэтому и убилъ его. Святого похоронили въ той же самой деревнѣ на одной горкѣ, но онъ далъ понять, что оставаться тамъ онъ не желаетъ, поэтому его перенесли на

другое мѣсто, но и тамъ онъ не захотѣлъ пребывать. Тогда положили тѣло его въ сани, запрягли пару воловъ и пустили ихъ; волы понесли святого и остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь развалины монастыря св. Максима. Съ этого будто бы времени ведетъ начало непрекратившійся до нашихъ дней обычай, въ силу котораго жители названной деревни каждый разъ во время сильныхъ ливней надѣваются на шею сплетенныя изъ прутьевъ кольца и отправляются босикомъ на могилу преподобнаго въ указанный монастырь непременно тою же самою дорогою, по которой несли тѣло святого волы, при этомъ поютъ: „Святый Максиме, дай намъ хорошую погоду“. Придя на могилу святого, они совершаютъ тамъ усердное моленіе и возвращаются тою же дорогою назадъ въ полной увѣренности, что святой услышитъ ихъ моленіе и исполнитъ ихъ просьбу». Эта легенда, какъ говорится въ примѣчаніи, сообщена была автору благочиннымъ священникомъ изъ м. Цагери о. Іоанномъ Маргіани въ письмѣ отъ 13 октября 1910 года. По сообщенію его же, «помимо 13-Августа память св. Максима на его могилѣ торжественно чествуется въ четвергъ пасхальной седмицы; въ этотъ день въ вышеназванной церкви св. Максима собираются мѣстные жители въ громадномъ большинствѣ, сперва возносятъ молитвы преподобному, а потомъ, разсѣвшись кругомъ, угощаются. Праздникъ этотъ тамъ называется „Гогашоба“»¹).

Нѣкоторыя новыя подробности и между прочимъ особую версію мѣстной легенды о св. Максимѣ сообщаетъ на основаніи собранныхъ на мѣстѣ справокъ полковникъ А. К. Энкель въ письмѣ ко мнѣ отъ 14 октября 1913 г., въ отвѣтъ на мою просьбу о сообщеніи разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній касательно указываемыхъ мѣста заключенія и мѣста погребенія св. Максима.

«Развалины монастыря имени св. Максима, либо св. Арсенія (или Арсакія) въ мѣстности Муръ уже не сохранилось, за исключеніемъ существующей нынѣ тамъ маленькой часовни имени св. Максима; равно нѣтъ другихъ слѣдовъ существованія здѣсь зданій; окрестность частью занята посѣвомъ и жилыми зданіями; только около часовни имѣются слѣды развалинъ монашескихъ келій. Но нѣтъ сомнѣнія, что на развалинахъ когда-то «великолѣпнаго» монастыря въ память св. Максима Исповѣдника построена была впоследствии маленькая церковь, нынѣ отремонтированная.

«Упомянутый храмъ расположенъ вблизи подошвы высокой, крутой горы, на которой находится крѣпостца, носящая названіе: «Мурисъ-Цихе»

¹ Кекелдзе, 35—6, 38—9.

(какъ по-грузински принято говорить, а по старинному — «Цихе-Мурисъ») съ близъ лежащими башнями.

«Недалеко отъ часовни имѣется хорошій источникъ питьевой воды.

«Вѣрнѣ всего, что монастырь, нѣкогда здѣсь стоявшій у самой подошвы горы, разрушенъ горными завалами (и теперь еще здѣсь видны большіе камни, свалившіеся съ горы), а фундаментъ постепенно засыпанъ пескомъ, несущимся съ горы послѣ проливныхъ дождей».

«Въ далекой княжеской Сванетіи ([, представляющей собой западную часть] Верхней Сванетіи, отдѣленной отъ Нижней Сванетіи сплошнымъ, труднопроходимымъ горнымъ хребтомъ высотой въ 9—12 тысячъ футовъ) дѣйствительно есть селеніе «Цхмаръ» [Цхумаръ], новъ той мѣстности никакихъ слѣдовъ существованія и погребенія св. Максима нѣтъ, и во всей Верхней Сванетіи никакихъ абсолютно преданій объ этомъ святомъ не существуетъ.

«А въ мѣстности Муръ и въ окрестныхъ селеніяхъ память о св. Максимѣ до сихъ поръ жива. Народъ мѣстомъ погребенія его считаетъ именно то мѣсто, гдѣ нынѣ храмъ имени сего святого. Муръ нынѣ есть общее названіе мѣстности, гдѣ находится этотъ храмъ съ крѣпостью Цихе-Мурисъ и башнями.

«Имя святого Максима жители мѣстности Муръ чтутъ ежегодно въ четвергъ Пасхальной седмицы: въ этотъ день они собираются на моленье святому въ часовнѣ «Муръ» и послѣ богослуженія садятся на полянѣ за общую трапезу.

«Кромѣ того, при продолжительныхъ проливныхъ дождяхъ населеніе всегда обращалось съ мольбой къ св. Максиму о прекращеніи дождя. Это происходило такъ: жители селеній Ласхана, Дехвири, Лесинди и Циламири во время такихъ дождей собирались вмѣстѣ и, навязывая себѣ на шею скрученный хворостъ и со священникомъ въ полномъ облаченіи во главѣ, босые направлялись на могилу св. Максима въ мѣстность Муръ, гдѣ молили его ходатайствовать предъ Богомъ о «дарованіи погоды». По пути слѣдованія жители пѣли: «Цмнда Максиме, шегвихвевце, дари гвибодзе» (Святой Максимъ, прими нашу мольбу, дай намъ погоду).

«Въ новѣйшее время, по причинѣ неразумнаго истребленія лѣсовъ и сопряженнаго съ нимъ значительнаго уменьшенія количества атмосферныхъ осадковъ, — такихъ продолжительныхъ проливныхъ дождей здѣсь уже не бываетъ, и потому населенію рѣдко приходится обращаться къ ходатайству святого Максима о погодѣ.

«Обязанность идти на моленіе къ могилѣ св. Максима по случаю дождей лежала на жителяхъ упомянутыхъ выше селеній именно потому, что по

убѣжденію населенія, святой Максимъ былъ убитъ въ ихъ обществѣ, причемъ относительно обстоятельствъ убійства его народное преданіе сообщаетъ слѣдующее:

«Нѣкоторое время св. Максимъ жилъ въ сел. Дехвири въ мѣстности «Чурисъ-Цкали» (верстахъ въ трехъ отъ Цихе-Мурисъ), въ дуллѣ липоваго дерева. Въ то время въ сел. Дехвири находился крестьянинъ Чабукіани (онъ же Каріейшвили), который притѣснялъ односельчанъ, потравлялъ ихъ посѣвы, работалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и вообще отличался дурнымъ нравомъ. Святой Максимъ часто давалъ наставленія названному крестьянину, нѣсколько разъ даже самъ прогонялъ быковъ Каріейшвили, потравлявшихъ поля сосѣдей. За все это крестьянинъ Каріейшвили питалъ злобу къ святому. Озлобленіе Каріейшвили усилилось, когда по явленіи св. Максима на его гумнѣ во время молотбы (происходящей здѣсь и нынѣ подъ открытымъ небомъ) внезапно полилъ дождь, тогда какъ кругомъ стояла ясная погода. Такъ повторялось нѣсколько разъ, но Каріейшвили не образумился этимъ, а задумалъ избавиться отъ святого. Однажды, когда св. Максимъ опять прогонялъ портившихъ посѣвы быковъ Каріейшвили, сей послѣдній стрѣлою убилъ святого и тайно похоронилъ его въ мѣстности «Чурисъ-Цкали»; на разсвѣтѣ слѣдующаго дня Каріейшвили подходитъ къ мѣсту погребенія святого и видитъ, что тѣло его лежитъ на поверхности земли — не тамъ, гдѣ онъ его похоронилъ. Тогда убійца беретъ тѣло святого и хоронитъ его въ мѣстности «Жокоше» въ Дехвири, но оно и тамъ «не удержалось». Въ третій разъ онъ хоронитъ его въ оградѣ Цхетской церкви, но и тамъ повторяется то же самое. Въ концѣ концовъ хоронитъ его въ мѣстности Муръ, гдѣ теперь находится храмъ имени св. Максима.

«Относительно же св. Арсенія никакихъ свѣдѣній нѣтъ».

IV.

Вопросъ о мѣстѣ заключенія и погребенія св. Максима рѣшается, такимъ образомъ, съ полною опредѣленностію имѣющимъ въ Закавказьѣ преданіемъ, которое засвидѣтельствовано въ глоссѣ рукописи № 222 и въ Географіи Вахушта и подтверждается фактомъ существованія часовни на мѣстѣ предполагаемаго монастыря Максима и разными мѣстными народными сказаніями о Максимѣ. Нѣтъ прямыхъ основаній не довѣрять этому преданію, если, съ одной стороны, трудно указать еще другой пунктъ, помимо Мури, гдѣ Максимъ могъ бы окончить свою жизнь и быть погребен-

нымъ, и если, съ другой стороны, противъ разсматриваемаго преданія нельзя выставить какихъ-либо серьезныхъ отрицательныхъ инстанцій. Справедливо, поэтому, О. Жорданія въ своей запискѣ и прот. К. Кекелидзе въ упомянутой статьѣ придаютъ ему историческое значеніе.

Однако, въ подобныхъ случаяхъ даже и высокая степень вѣроятности не исключаетъ еще возможности всякаго совершенно сомнѣнія и необходимости научной провѣрки и, если возможно, болѣе твердаго обоснованія предлагаемаго преданія.

Можетъ, при настоящемъ состояніи данныхъ, возникать вопросъ: не есть ли это преданіе уже позднѣйшаго происхожденія и не имѣетъ ли оно въ основѣ не фактъ, а простую лишь догадку или какое-либо недоразумѣніе? Кто знакомъ съ областью агиографическихъ легендъ и съ исторіей возникновенія разныхъ преданій о святыхъ, тотъ едва ли будетъ возражать противъ правомѣрности такого скепсиса. Мѣстныя легенды о св. Максимѣ въ своемъ содержаніи, какъ видно это изъ сопоставленія ихъ съ достовѣрными извѣстіями о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Максима у Анастасія апокрисиарія и Θεодосія гагрскаго, ничего историческаго не заключаютъ и могутъ свидѣтельствовать почти только о хранящейся въ данной мѣстности памяти объ имени святого.

Несомнѣнно, св. Максимъ Исповѣдникъ скончался и погребенъ гдѣ-то въ предѣлахъ древней Лазики. Но вопросъ въ томъ, правильно ли указывается это мѣсто именно въ Мури, и можно ли крѣпость Мури отождествлять съ древнимъ «Схимарисъ». Приуроченіе мѣста пребыванія Максима и мѣста его погребенія къ данному пункту Лазики могло быть сдѣлано и въ сравнительно позднѣйшее время, когда первоначальное преданіе было позабыто, между тѣмъ слава имени Максима, въ связи съ переводами на грузинскій языкъ его житія и его твореній, побуждала указать это мѣсто съ определенностью.

Схолія въ рукоп. № 222, если она и относится къ XII в., всетаки нѣтъ вѣками отдѣляется отъ эпохи Максима. Но особенно важнымъ въ данномъ случаѣ представляется то обстоятельство, что въ грузинской письменности, какъ было выше указано, когда-то дѣлаема была попытка, въ схоліяхъ другой рукописи, № 97, перевести географическія названія въ сказаніи о Максимѣ на грузинскую номенклатуру, лицомъ, нужно думать, болѣе или менѣе знакомымъ съ современными ему названіями грузинскаго Закавказья, между тѣмъ этотъ схолиастъ не знаетъ о тождествѣ Мури именно съ Схимарисъ — нимаръ, а приравниваетъ Мури къ «сванской крѣпости». Кекелидзе замѣчаетъ, что эта схолія «предполагаетъ въ искомой [=сван-

ской] крѣпости крѣпость Мури, въ которой въ данное время томился св. Максимъ. Но это — предположеніе позднѣйшаго схолиаста, ни на чемъ не обоснованное и безусловно ошибочное, ибо согласно императорскому указу [?], по прибытіи въ Лазяку ихъ, всѣхъ трехъ изгнанниковъ, должны были различить другъ отъ друга и держать въ различныхъ крѣпостяхъ, сводить ихъ вмѣстѣ въ одной крѣпости никто не рѣшился бы¹. Но эта критика предполагаетъ уже доказаннымъ, что Мури именно и есть Схимарисъ или химаръ, гдѣ былъ Максимъ, и усволяетъ, сверхъ того, схолиасту мнѣніе, будто и Максимъ и Анастасій монахъ находились въ одной и той же крѣпости, тогда какъ тотъ о мѣстѣ заключенія Максима на дѣлѣ не высказываетъ своего мнѣнія.

Сомнѣнія, хотя высказанныя мимоходомъ и безъ особыхъ разъясненій, или по крайней мѣрѣ уклончивыя мнѣнія по поводу преданія о мѣстѣ погребенія св. Максима близъ Мури, можно встрѣчать у лицъ, которымъ нельзя отказать въ авторитетности въ сужденіяхъ по вопросамъ объ исторіи и археологіи Кавказа.

Такъ, довольно уклончиво отзывается объ извѣстіи Вахушта Броссе въ отчетѣ о своемъ путешествіи съ археологическими цѣлями по Грузіи и Арменіи въ 1847—8 гг. Сказавъ о «хорошей» крѣпости въ Мури на верху скалы, о башнѣ внизу и мостѣ черезъ Цхенись-цкали, онъ замѣчаетъ: «[Постройка имени] Максима Исповѣдника находится на равнинѣ у моста. Я не знаю, погребенъ ли святой въ этой жалкой часовнѣ, какъ это утверждаетъ Вахуштъ, но зданіе заброшено и въ немъ уже не бываетъ службы. Цагеръ совсѣмъ близко отсюда, также [?] на правомъ берегу рѣки: такимъ образомъ, всѣ эти мѣстности невѣрно обозначены на картѣ № 5 въ атласѣ Вахушта», а съ Цхенись-цкали дѣло обстоитъ еще хуже: Вахуштъ не знаетъ о продолженіи ея далѣе Мури².

Подобнымъ же образомъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ отзывается о сообщеніи Вахушта касательно Максима и Д. Бакрадзе, посѣтившій Цагерскую церковь въ 1867 г., въ своемъ описаніи древнихъ христіанскихъ памятниковъ Кавказа. «Цагери расположенъ на правомъ берегу Цхенись-цкали. Мѣстность эта чрезвычайно поэтична. Здѣсь насуиrotивъ Цагери развертывается довольно большая равнина, обрамленная кругомъ

¹ Кекелидзе, 30—1.

² M. Brosset, Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847 et 1848 (3 voll. 1849—51). II. 9 rapport. St.-Petersburg 1850, p. 34—5. Нужно, однако, замѣтить, что Мури находится на дѣлѣ не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Цхенись-цкали.

высокими горамп и на одной изъ нихъ величественно рисуется древній замокъ Мурис-цихе, куда всходъ очень труденъ и гдѣ донинѣ сохраняются двѣ пушки, одна съ гербомъ у казенной части и съ латинской надписью: «1554. Opus Federici Musarta», а другая съ турецкою надписью, но гдѣ по моему мнѣнію гораздо болѣе интересенъ чрезвычайно малыи деревянный ящикъ, въ который дадіани запирали преступниковъ, надѣвая на нихъ днемъ тяжелыя цѣпи. -- По близости Цагери Вахуштъ указываетъ монастырь Максима Исповѣдника, тѣло котораго будто бы похоронено тамъ же. Я не видѣлъ этого монастыря, но Вахуштъ хвалить и архитектуру и расположение его»¹.

V.

Точкою отправленія при провѣркѣ кавказскаго преданія должны служить данныя указанныхъ выше древнѣйшихъ греческихъ источниковъ, письмо Анастасія и записка Θεодосія, какъ не возбуждающія никакихъ сомнѣній относительно своей достовѣрности.

Что касается извѣстія о монастырѣ Арсенія въ позднѣйшихъ памятникахъ, то оно, повидимому, не можетъ пока приводить къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ гдѣ-либо еще упоминанія о существованіи вообще такого монастыря въ предѣлахъ Лазики.

Если довѣрять безъ всякихъ ограниченій этому сообщенію, то пришлось бы предположить, что монастырь Арсенія былъ въ Лазикѣ уже во времена Максима, но иныхъ свѣдѣній о немъ, кромѣ этого сообщенія о погребеніи въ немъ Максима, не сохранилось; потомъ онъ сталъ (если онъ находился около нынѣшняго Мури) называться монастыремъ Максима, но монастырь и съ этимъ именемъ тоже когда-то прекратилъ свое существованіе².

Но не совсѣмъ понятнымъ было бы, въ такомъ случаѣ, то обстоятель-

¹ Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, въ Актахъ Кавказской Археологической Комиссіи. Т. V и VI. Тифлисъ 1873—4, и отдѣльно, 1875, 161. Съ увѣренностью, напротивъ, говоритъ даже о постройкѣ монастыря самимъ Максимомъ (!) G. Merzbacher, Aus den Hochregionen des Kaukasus. I. Lpz. 1901, 321: «An der andern Thal-seite [долины р. Цхенись-цкали] wird höher oben im Gebirge die langgestreckte Front eines alten georgischen Klosters sichtbar [?] durch Maximus, den Bekenner, erbaut [?], der auch dort seine Ruhestätte fand». S. 334—снимокъ съ «Murischlucht». О мѣстности и крѣпости Мури и о Цагерскомъ монастырѣ ср., между прочимъ, К. А. Бороздинъ, Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. Спб. 1885, 31—40, 51.

² Такъ именно думаютъ Жорданія, въ своей запискѣ, и Кекелидзе, 35.

ство, что ничего о погребеніи св. Максима въ какомъ-либо монастырѣ не говорятъ ни Анастасій апокрисиарій, ни Θεодосій гангрскій. Весьма трудно допустить, что этотъ фактъ не былъ въ свое время извѣстенъ имъ, или былъ оставленъ ими неотмѣченнымъ, если бы онъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто непосредственно послѣ кончины св. Максима. Нужно при этомъ помнить, что извѣстіе это впервые выступаетъ въ столь мутномъ источникѣ, какъ *Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ*, всѣ же другіе авторы лишь повторяютъ его, — и оно здѣсь слѣдуетъ за совершенно невѣрными сообщеніями о Максимѣ. Это, очевидно, является для него вообще плохой рекомендаціей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно здѣсь передается¹.

Если, съ другой стороны, признавать, что это сообщеніе, хотя въ настоящемъ его видѣ и невѣрно, но всетаки скрываетъ за собою нѣчто дѣйствительно бывшее, то можно думать, напр., что «монастырь» Арсенія явился уже потомъ на мѣстѣ погребенія св. Максима или вблизи его, или же, что мощи Максима были перенесены нѣкогда въ какой-то монастырь съ этимъ именемъ, находившійся не въ первоначальномъ мѣстѣ погребенія его. Но опредѣленныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о такомъ перенесеніи, повидимому, не имѣется². — Такимъ образомъ, вообще это извѣ-

¹ Нельзя ни въ какомъ случаѣ предполагать, что авторъ *Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ* могъ взять это извѣстіе изъ письма Анастасія апокрисиарія, и лишь въ латинскомъ дошедшемъ до насъ переводѣ письма оно пропущено по какой-то причинѣ. Письмо это было софѣемъ неизвѣстно ему, иначе онъ не допустилъ бы высказанныхъ имъ несообразностей. Составитель пространнаго житія Максима явно заимствуетъ это сообщеніе изъ *Ἀθλησις* (Епиф. 10,4: εὐδοχὶδ Θεοδ κτλ. есть, очевидно, перифразъ 22,31: ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Θεός κτλ.). Само по себѣ существованіе монастыря въ данное время въ христіанской Лазикѣ, и именно около Мури, конечно, не невозможно, причѣмъ «монастырь» могъ имѣть весьма скромные размѣры.

² О «переложеніи» и «перенесеніи» мощей св. Максима Исповѣдника, но неизвѣстно — откуда и куда и въ какое время — говорится въ греческихъ синаксаряхъ и прологахъ подъ 13 августа, причѣмъ это есть вмѣстѣ и день кончины Максима. Ср. Delc'haye, с. 887 (въ главнѣйшій указанный выше сказаніи): Ἀνάμνησις τῆς μετὰθέσεως τῶν λειψάνων [no D=Paris. 1587 г. XII: Ἀθλησις] τοῦ ἁγίου Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ. Въ стшномъ прологѣ (XI в.) имѣются и соотвѣствующіе стихи: Κινουσί σου, Μάρτυρα, πιστοὶ τὴν κόνιν, Ἰ Δηλοῦντες ὡς ζῆς ἐξαμείβων καὶ τόπου (ed. Siberus. 1727, p. 258). Въ *Συναξαριστής Νικοδήμου Ἀγιορείτου* (3 изд. Νικολαΐδου Φιλαδέλφειας, Ἀθήνησι 1868). II, 318: Ἡ ἀνακομιδὴ καὶ μετὰθεσις τοῦ λειψάνου τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Μ. τοῦ ὁμ. У архіеп. Сергія, Полный Мѣсяцесловъ Востока. 2 изд. Владиміръ 1901, II, 1, 244, «переложеніе или перенесеніе мощей» указано въ слав. Студ. Уставѣ 1398 г., въ стшномъ греч. синаксарѣ Schifflet XII в. и греч. печатныхъ минеяхъ 1806—1820 г. Извѣстно, на чемъ основывается авторъ, когда говорить (лишь во 2 изданіи) о перенесеніи мощей Максима въ Константинополь (II, 1, 20; II, 2, 32). Между прочимъ, какъ указываетъ въ Acta Sanctorum augusti, t. III (1737), p. 115A, въ арабско-египетскомъ мартирологій, переведенномъ съ арабскаго на латинскій языкъ Граціей Симономъ, говорится подъ 13 августа о «translatio corporis s. Maximi et sociorum ejus». — Память св. Максима Исповѣдника отмѣчается еще (по крайней мѣрѣ уже съ IX вѣка) подъ 21 января, и имѣется и въ нашемъ мѣсяцесловѣ. Въ грузинскомъ переводѣ житія и грузинскомъ сина-

стіе не только не помогаетъ рѣшенію вопроса, но само еще ждетъ подтвержденія и разъясненія¹.

Сообщенія Анастасія и Θεοδοσία, съ поименованіемъ ряда крѣпостей и опредѣленіемъ ихъ мѣстоположенія, по крайней мѣрѣ, чрезъ указаніе тѣхъ областей или народовъ, среди которыхъ или вблизи которыхъ онѣ находились, несмотря на важное значеніе ихъ для исторической географіи сѣверо-западнаго Закавказья, особаго вниманія къ себѣ специалистовъ, насколько

ксарѣ это объясняется тѣмъ, что именно въ указанный день онъ былъ мучимъ въ Константинополѣ и ему тамъ отрѣзали языкъ и руку, и праздновать такъ будто бы опредѣлено уже отцами шестого вселенскаго собора (Кекелидзе, 479=70, 486=77). На этотъ день приходится кончина(?) и память преп. Максима Грека († 1556). Но предполагать въ этомъ случаѣ, для объясненія происхожденія памяти Максима Исповѣдника 21 января, смѣшеніе его съ Максимомъ Грекомъ, какъ дѣлаетъ это Жорданія въ своей запискѣ, очевидно, совершенно невозможно, такъ какъ эта память появилась задолго до Максима Грека. — Въ константинопольскомъ синаксарѣ отмѣчается еще мѣстное празднованіе памяти Максима 19 августа. Delehaye, с. 910, 17-23, № 3: *Τῆ αὐτῆ ἡμέρᾳ μνήμη τοῦ ὁσίου Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ καὶ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Διομηδίου. Τελεῖται δὲ ἡ αὐτῶν συναξίς ἐνδον τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς ἁγίας Θεοτόκου τοῦ [D, τῆς S] ἐπιλεγομένου Ἰερουσαλῆμ καὶ εἰς τὸν Λευκὸν Ποταμὸν.* Память мученика Діомиды (храмъ во имя его былъ построенъ еще Константиномъ В., ср. Сергіи, II, 2, 326) есть подъ 16 августа (Delehaye, с. 1034: подъ 21 августа, по *Martyr. Hieron.*) и 3 іюля (Сергіи, I, 1, 198). Можно, между прочимъ, обратить вниманіе, что Максимъ и его сподвижники пострадали, по Θεοδοσίῳ (Епиф. 18, 4-5), ἐν Βυζαντίῳ ἐν προφῶ τῷ πραιτωρίου τοῦ ἐπαρχοῦ ἐπιλεγομένη Διομηδίου (ср. также о Мартинѣ, PL, 129, 596A). — Въ «Типикѣ константинопольской великой церкви IX—X в.», въ Патмосской рук. № 266, память *Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ*, кромѣ 13 августа, стоитъ еще подъ 26 августа (подъ 21 января нѣтъ). А. Дмитріевскій, Описание литургическихъ рукописей. I, 1, 103, 109. — У Сергія (II, 1, 244; 20) указываются еще для Максима дни: 5 августа (№ 51—слав. святцы Петрогр. Публ. библіот. нач. XVII в.), 11 августа (СІ. 2—мѣсяцесловъ при греч. апост. Публ. библіот. XII в.), 12 августа (M. 450—греч. минея Моск. Синод. библіот. XII в., и другія минеи іерус. устава), 19 января (Сирм.—греч. синаксарь Сирмонда; повидимому, у Сергія ошибка — вмѣсто 19 августа), 20 января (Син. 2—мѣсяцесловъ при синайскомъ греч. еванг. IX—XI в., Ев. № 1—мѣсяц. при слав. еванг. Петрогр. Публ. библ. XII в.), 22 января (Сир.—мѣсяц. при сирскомъ еванг. 1030 г.), 29 февраля (Терн.—мѣсяц. Терновской церкви 1272 г.), 20 сентября (греческія минеи 1806—1820 гг., Синаксариистъ Никодима: память Максима соединяется въ этотъ день съ памятью Мартина, обоихъ Анастасіевъ, Θεοдора и Евпренія). Происхожденіе почти всѣхъ этихъ памятей требуетъ еще объясненія. (12 августа вмѣсто 13 — ради отданія праздника Преображенія, какъ указано это у Сергія).

¹ Изъ святыхъ съ именемъ Арсенія наиболѣе извѣстенъ египетскій подвижникъ Арсеній Великій († 449—450), память котораго празднуется 8 мая. Кромѣ него извѣстны преп. Арсеній латрскій (VIII—X в.) 13 декабря, Арсеній архіепископъ керкирскій (VIII—IX в.) 19 января, преп. Арсеній 15 февраля, Арсеній патріархъ константиноп. (XIII в.). Въ Грузіи это имя употреблялось, повидимому, нерѣдко. Нельзя ставить возникновеніе извѣстія о «монастырѣ Арсенія», какъ мѣстѣ погребенія Максима, въ какую-либо связь съ Арсеніемъ икалтойскимъ (XII в.), если бы даже былъ установленъ фактъ особаго интереса съ его стороны къ твореніямъ и къ памяти Максима, потому что это извѣстіе въ памятникахъ появляется еще до его выслушенія. — Что касается Арсакія, то кромѣ муч. Арсакія 12 ноября извѣстенъ еще патріархъ константиноп. Арсакій 11 октября; подъ 16 августа память никомидійскаго мученика Арсакія имѣется лишь въ западныхъ мартиролагахъ.

извѣстно, не привлекали. Дюбуа де-Монперё и Броссе упускаютъ ихъ изъ виду. Въ новѣйшее время значеніе ихъ было отмѣчено и сдѣланы замѣчанія относительно нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ названій С. П. Шестаковымъ¹. У О. Жорданіи въ его (ненапечатанной) запискѣ также имѣются разныя соображенія. Обстоятельный комментарий къ этимъ сообщеніямъ далъ затѣмъ прот. К. Кекелидзе². Но дѣло ограничивается пока лишь предположеніями или общими и неопредѣленными указаніями, и твердо обоснованная точная локализція разныхъ упоминаемыхъ въ этихъ источникахъ пунктовъ есть еще задача будущаго³.

¹ Въ приложеніи къ статьѣ: Папа Мартинъ I въ Херсонѣ, въ Трудахъ XIII археол. съѣзда въ Екатеринославѣ 1905. М. 1908, I, 142—4.

² ТрКА, 1912, сентябрь, 18—36.

³ Крѣпость *Σχοτόριον* (лат. in castro Scotori, груз. Котори), «въ Апсалии, вблизи Авагии», подъ этимъ именемъ въ другихъ греческихъ памятникахъ, повидимому, не упоминается. Какъ было замѣчено, схолиастъ рук. Тифл. п.-арх. Музея № 97, гдѣ «Котори» и въ текстѣ замѣнено чрезъ «Цебери», отождествляетъ ее съ Цебельдой на р. Кодори. Вахуштъ говоритъ о селеніи Кодори, которое расположено выше «Дранда», стоящаго, по нему, тамъ, гдѣ р. Кодори переменяетъ западное теченіе на южное (Brosset, 401, Джан. 220). Но на дѣлѣ Дранда находится гораздо ниже, и теченіе свое р. Кодори измѣняетъ (на ю.-з.) именно въ Цебельдѣ. Съ Цебельдой Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase. Paris—Neuchatel 1839—1843, сопоставляетъ на своей картѣ театра лазской войны (Atlas, pl. XIV) Τζιβίλον Прокопія; однако въ то же время у него признается и на картѣ и въ текстѣ (II, 128) тождество Tzibiloum (или «Tibeleos» у Агаѳія) съ «Khiboulas» (Chiboulas на картѣ) между р. Хопи и Цхенись-цѣкали. О возможномъ тождествѣ съ «Tzibélium» крѣпости «Sobgha» (груз.), «Soubagha» (арм.), см. Brosset, Hist. de la Georgie, 240. *Σχοτόριον*, во всякомъ случаѣ, естественнѣе всего искать близъ р. Кодори. Жорданія въ своей запискѣ указываетъ крѣпость «Котори» «на берегу» р. Кодори, въ развалинахъ, недалеко отъ селенія «Джгерде», какъ запирающую «Даньское ущелье». Но «Джгерды» отмѣчены на картѣ верстахъ въ 10 отъ Кодори (въ 20 отъ нынѣшней Цебельды). Названіе «Кодори» можно находить и вдали отъ р. Кодори (напр. селеніе между р. Абашей и Цхенись-цѣкали). — Крѣпость Βουκόλοϋς (Buculus, Бокеле), «въ области мисиміанъ, на границахъ съ аланами», встрѣчается уже у Агаѳія (III, 15) въ формѣ Βούχλοϋς (такъ въ cod. Rehdigeranus, въ печатномъ текстѣ принято чтеніе Βουχλοϋς). Еще въ 554 г., во время лазской войны, мисиміане опасались передачи этой крѣпости ромеями аланамъ, и умертвили изъ-за этого посла ромеевъ Сотириха. Въ письмѣ Анастасія встрѣчаемъ при упоминаніи объ этой крѣпости весьма интересное замѣчаніе (въ греческомъ извлеченіи опущенное и сохранившееся лишь въ латинскомъ переводѣ): quod videlicet castrum iidem Alani captum nunc [въ 666 г.] retinere noscuntur. Такимъ образомъ, когда-то въ 662—666 гг. крѣпость перешла, въ руки алановъ. Можно догадываться, не была ли причиною удаленія только что поселеннаго въ ней Анастасія именно вынужденная чѣмъ-то передача ромеями этой крѣпости аланамъ; въ такомъ случаѣ переходъ ея во власть алановъ относился бы уже къ лѣту 662 г. При происшедшемъ при этомъ передвиженіи гарнизоновъ, и другой Анастасій—монахъ могъ быть выведенъ, хотя онъ былъ уже тогда «поудоживымъ», изъ апсалийской крѣпости, причемъ оба они были приведены сначала εἰς Μουχορίσιον—въ Мухирисисъ (область между Ріономъ и Цхенись-цѣкали, и городъ, по Dubois, на мѣстѣ развалинъ Цихедарбази), который представляется и теперь мѣстомъ пребыванія византийскаго войска (praesentandi in medio amici Christi exercitus), подобно тому какъ во время лазской войны въ этой мѣстности, въ виду ея удобствъ, сосредоточивались военныя силы персовъ. Βούχλοϋς Агаѳія Dubois отмѣчается на своей картѣ, какъ «Boukloop (Рок-Христіансій Востокъ).

Данныя относительно крѣпости, въ которой былъ заключенъ Максимъ, кромѣ сообщенія самаго названія ея «Схимарисъ», сводятся къ двумъ извѣстиямъ: 1) у Анастасія указывается, что эта крѣпость находилась «вблизи народа такъ называемыхъ алановъ»¹; 2) изъ разсказа Θεοδοσίου видно, что

Ion), на среднемъ теченіи р. Ингура, очевидно, на мѣстѣ нынѣшняго Пахулани (10-верстная карта изд. Военно-Топогр. Отдѣла Генер. Штаба 1912 г., на 5-верстной 1906 [1912] отмѣчено «Нахулани»). По мнѣнію Жорданіи въ его запискѣ, «Бокедесъ» есть «Боквись-цихе», «Боквская крѣпость», отъ ущелья Бокви или р. Боквись-цкали; при этомъ онъ отождествляетъ ее съ крѣпостью Минда въ Рачинскомъ уѣздѣ (Geogr. Вахушта, Grosset, 379, Джан. 216, видъ крѣпости у Dubois, Atlas, ser. II, pl. XIX b.). Но Минда стоитъ недалеко отъ впаденія въ Фасисъ р. Лухуни, а Боквись-цкали находится далѣе на востокъ. Вообще же мисиміанъ (у Менандра Μινδιανοί) съ ихъ крѣпостями, какъ сосѣдей апсировъ, нельзя отодвигать столь далеко на востокъ (равно какъ нельзя переносить ихъ и къ сѣверу, на берега Кубани, какъ дѣлаетъ это S. Martin въ Lebeau, Hist. du Bas Empire, IX, 326, 5), и Dubois, нужно думать, указываетъ болѣе или менѣе вѣрно ихъ положеніе между среднимъ теченіемъ Ингура и Цхенись-цкали. Какое мѣсто разумѣлъ подъ «Бокери» схолиастъ рук. № 97, остается невыясненнымъ. Кекелидзе (28) указываетъ на существованіе въ Мингреліи фамиліи Бокеріа, которая, можетъ быть, происходитъ изъ этой мѣстности.—Κάστρον τῆς λεγόμενης Σουανίδος, или Σουανίας (castrum nuncupatum Suanias, или Suaniae, крѣпость Сванской земли [Жорданіи: Сванетская]), какъ показываетъ, повидимому, самая форма выраженія, отличающаяся отъ предыдущихъ «κάστρον λεγόμενον Σχιομάριν, Σχοτόριν», κάστρον Βουκόλους ὄνομα», названіе имѣеть отъ области, въ которой, или по крайней мѣрѣ вблизи которой находилась; называться такъ она могла и въ томъ случаѣ, если была на пути въ Сванію, въ виду чего, вѣроятно, схолиастъ рук. № 97 и нашель возможнымъ отождествить съ нею Мури. Не есть ли это, напр., Чолуръ, находящійся сѣвернѣе Мури?—Κάστρον τῆς λεγόμενης Θαχυρίας πλησίον Ἀβασγίας (quod dicitur Thasygia juxta Hiberiam, крѣпость Такверская въ Абхазіи), судя по способу выраженія, тоже носитъ названіе отъ территории. «Квара въ Таквери» схолиаста рук. № 97 должна находиться въ Рачѣ, около Квемо-крихъ. Съ другой стороны, Вахуштъ говорить (Grosset, 349, Джан. 200) о крѣпости «Таквери», отъ которой получила названіе и самая мѣстность (Лечхумъ): согласно его описанію («на рѣчкѣ, впадающей въ Цхенись-цкали выше Горди») и картѣ, она должна находиться на р. Джинаулѣ 5-верстной карты или Джинаурѣ 10-верстной, но не отмѣчена на этихъ картахъ. На нихъ имѣется лишь Дехвири. Отождествлять ли крѣпость τῆς Θαχυρίας съ Кварой, или съ Таквери, или, наконецъ съ Дехвири, признакъ «вблизи Авасгій» къ нимъ не подходит, и нужно въ этихъ случаяхъ отдать предпочтеніе латинскому переводу «juxta Hiberiam», какъ дѣлаетъ это Кекелидзе, видящій эту крѣпость въ Таквери (31). Шестаковъ (142) сопоставляетъ Θαχυρία съ Цагери. Между прочимъ не установлено еще, гдѣ находилась мисиміанская крѣпость Τάχαρ (Σιδηροῦν, A gath. IV, 16). Dubois (на картѣ) предполагаетъ ее въ Tszatkhour на верхнемъ теченіи рѣки Техура.—Крѣпость Phustas (въ одномъ случаѣ «castrum Phustensium»), гдѣ-то въ предѣлахъ Аписліи и Мисиміаніи, упоминается въ IX в. у Епифанія въ житіи ап. Андрея: «εἰς Φούσταν πόλιν», какъ находящаяся, повидимому, въ Аланіи (PG, 120, 241), тамъ же упоминается и народъ Φούστοι (221В); въ грузинскомъ переводѣ житія городъ названъ «Фостофоромъ». На старинныхъ картахъ имѣется «Фуса», «Пуста», «Фусса». С. Петровскій, Сказанія объ апост. проповѣди по с.-в. Черном. побережью. Одесса 1898, 219. Народъ «Φούστοι» сопоставляется уже у Петровскаго съ Φασιανοί. Τα (ta, 9α) есть обычный суффиксъ въ абхазскихъ географическихъ названіяхъ, по замѣчанію П. Я. Марра, Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію, въ ИАК, 1913, № 13, 323; объ основѣ фаз, его же, Исторія термина «абхазъ», 1912, № 11, 697—702.

¹ Съ показаніемъ позднѣйшаго житія св. Максима, PG, 90, 108В: εἰς ἓν τῶν κατὰ τὴν Ἀλανίαν κάστρον, едва-ли необходимо серьезно считаться. Св. Димитрій Ростовскій, оче-

она была въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ провелъ послѣдніе дни жизни и скончался Анастасій апокрисиарій, и находилась гдѣ-то на Кавказскихъ горахъ (по Θεодосію — на ихъ вершинѣ).

- Но первый признакъ самъ по себѣ даетъ не слишкомъ много и требуетъ самъ поясненій.

Названіе «алановъ», хотя уже въ средніе вѣка прилагалось, повидимому, по преимуществу къ предкамъ нынѣшнихъ осетинъ (осовъ), но въ общемъ, особенно въ болѣе древнее время, у греческихъ и латинскихъ писателей, было не столько этнографическимъ, сколько географическимъ терминомъ для обозначенія жившихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа народовъ. И если грузинскій переводчикъ, Евѡимій, указанное выраженіе въ житіи св. Максима переводитъ словами: «по близости къ странѣ осетинской», то это можетъ лишь отражать существовавшій тогда взглядъ на тождество алановъ съ ос(етин)ами, но какіе либо опредѣленные выводы касательно положенія крѣпости Схимарисъ отсюда еще нельзя сдѣлать. Если же «аланъ», о которыхъ говорится у Анастасія, и на самомъ дѣлѣ были ос(етин)ы, то въ дѣйствительности мѣстонахожденіе и алановъ-осетинъ не ограничивалось въ древности, какъ не ограничивается и теперь, лишь нынѣшнею Осетіею¹.

Во всякомъ случаѣ, «аланъ» въ VI в. играли не малую роль и на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, принимая участіе въ борьбѣ грековъ,

видно, отсюда заимствовать въ свои Четы-Минеи (21 января) сообщеніе о ссылкѣ Максима въ Аланію. Объ этомъ сообщеніи ср. Кекелидзе, 19, 22—3; тамъ же разъясненіе по поводу показанія грузинскаго житія, что св. Максима сослали въ «Мингрелію», 19—22.

¹ По вопросу объ отношеніяхъ алановъ къ осамъ ср. В. Миллеръ, Осетинскіе этюды. III. М. 1887, 39—53. О кавказскихъ аланахъ въ частности въ VI—VIII вв. тамъ же, 53—8. Ю. Кулаковскій, Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византийскихъ писателей. Киевъ 1899 (оттискъ изъ XIII кн. «Чтеній въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.»), 46—51. Доселѣ полезень, хотя уже и устарѣлый, трудъ Stritter'a *Memoriae populorum e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae*. IV. Petropoli 1779, 338—351. Сообщенія объ аланахъ, находящіяся въ письмѣ Анастасія и запискѣ Θεодосія упущены изъ виду въ этихъ трудахъ, — даже, на что обращаетъ вниманіе Шестаковъ (144), и у Кулаковского (49: «За цѣлое столѣтіе отъ конца VI и до конца VII вѣка нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ у византийскихъ писателей. - Только въ самомъ началѣ VIII вѣка встрѣчаемъ мы опять упоминаніе объ аланахъ»). Ср. однако, хотя съ неточностями въ цитатѣ, уже Tomashek въ Pauly-Wissowa, RE, I, 1 (1893), 1284 («Maximi opera ed. Migne tom. 129, p. 659 ff.»). Объ осетинахъ-алангахъ ср. еще очеркъ А. Кодзаева, Древніе осетины и Осетія. Владикавказъ 1903. Новую постановку вопроса о кавказскихъ аланахъ и новое его рѣшеніе намѣчаетъ, пока мимоходомъ, Н. Я. Марръ, въ статьѣ: Къ исторіи передвиженія яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ Кавказа, въ ИАН, 1916, № 15. Протестуя противъ обычнаго отождествленія ихъ съ осами (1395), онъ предполагаетъ съ своей стороны тѣснѣйшую связь вопроса о нихъ съ вопросомъ о судьбѣ алановъ-албановъ Закавказья (1408) и въ то же время видитъ въ послѣднихъ аварцевъ (аваровъ) (1378). Ср. его же, Непочатый источникъ исторіи Кавказскаго міра, въ ИАН, 1917, № 5, 332.

лазовъ и персовъ и становясь то на ту, то на другую сторону. Во время нашествія персовъ на Лазикъ въ 541 г. (противъ грековъ, по приглашенію лазовъ) они въ большомъ количествѣ находились въ войскѣ персовъ. Но въ 549 г. царь лазовъ Гувазь призывалъ ихъ и сабировъ уже для борьбы съ персами, хотя ихъ немало было въ персидскомъ войскѣ и въ 550 г. Для грековъ было весьма важно привлечь на свою сторону этотъ немалочисленный и вліятельный «αὐτόνομον ἔθνος»¹. Посолъ грековъ Сотирихъ, пришедшій въ 554 г. съ деньгами къ мисиміанамъ и убитый ими, имѣлъ задачей воздѣйствовать чрезъ посредство именно алановъ и на разные другіе варварскіе народы². При заключеніи договора между греками и персами въ 556 г. послѣдніе, между прочимъ, обязуются не пропускать на югъ Кавказа и алановъ. Но союзныя отношенія между аланами и Византіей на дѣлѣ продолжаются и въ дальнѣйшее время. Въ сосѣдствѣ съ мисиміанами они утвердились, повидимому, весьма прочно; объ этомъ можно заключить изъ сообщенія Анастасія о переходѣ въ 662—666 гг. въ ихъ руки мисиміанской крѣпости Βουχόλους, на которую они простирали виды еще въ 554 г. Будучи сосѣдями мисиміанъ, аланы граничили также, какъ это видно изъ замѣчаній Θεοδοσία, и съ авасгами и апсилами³. На южномъ склонѣ Кавказа огрузинившіеся осетины-аланы имѣются и теперь къ востоку отъ Сваніи и Рачи, въ области Двалети (туальцы); въ древнѣйшее время они могли быть здѣсь въ непосредственной близости къ Лазикѣ. Вахуштъ, съ другой стороны, говоритъ объ «Аланіи», находящейся къ западу отъ Сваніи, причемъ посрединѣ ея протекаетъ «сванская рѣка» — Каппетисъ-Цкали, и отличаетъ ее отъ «Двалетіи» или «Осетіи»⁴.

Такимъ образомъ, «аланъ» разсѣяны были въ Закавказьѣ на довольно большомъ пространствѣ, встрѣчаясь и къ востоку, и къ западу, и къ югу отъ Сваніи. Нахожденіе «вблизи аланскаго народа», какъ опредѣляется у Анастасія положеніе крѣпости, гдѣ былъ заключенъ Максимъ, поэтому въ данномъ случаѣ само по себѣ указываетъ не на вполне опредѣленный районъ, а вообще на обращенный къ Лазикѣ склонъ Кавказскаго хребта, гдѣ могли тогда находиться аланы.

Но не болѣе этого въ сущности дается и у Θεοδοσία. Съ какимъ бы

¹ Procopius, De bellis, VIII, 3.

² Agathias, Histor., III, 15—16.

³ Епифановичъ, 13, в-в. Слѣды нахожденія ихъ здѣсь можно видѣть въ названіи селенія Аланда на р. Кодорѣ (В. Миллеръ, Осет. этюды, III, 115) и абхазскихъ фамиліяхъ Osia, Ozba, Alania, Alan (Н. Я. Марръ, Изъ лингв. поѣздки въ Абхазію, ИАН, 1913, № 6, 307).

⁴ Brosset, 236—Джанашвили, 138.

нынѣшнимъ пунктомъ ни отождествлять крѣпость *Θουσοῦμης* близъ мѣстечка *Μόχοις*, гдѣ жилъ въ концѣ ссылки и умеръ Анастасій апокрисиарій и куда приходилъ Θεодосій, она была во всякомъ случаѣ недалеко отъ восточнаго берега Чернаго моря, на границахъ Алсиліи и Абхазіи¹. Но какъ далеко отсюда и въ какомъ направленіи находился Схимарисъ, куда Θεодосій не рѣшился идти, между прочимъ, по трудности горнаго пути, это въ его запискѣ не сообщается. Упомянутое о «вершинѣ» Кавказскихъ горъ, принимая во вниманіе возможность и естественность нѣкотораго преувеличенія и неточности со стороны Θεодосія, тоже не можетъ служить основой для какихъ-либо вполне опредѣленныхъ выводовъ.

Къ Мури указанные признаки болѣе или менѣе приложимы. Алапы могли быть въ то время около нынѣшняго Мури и съ восточной, и съ западной стороны. Не находясь на «вершинѣ» Кавказа, какъ говоритъ Θεодо-

¹ Самъ Анастасій названія «*Θουσοῦμης* (*Thusumes*)» не сообщаетъ, а говоритъ лишь (PL, 129, 662B=PG, 90, 175C), что новый начальникъ Лазики Григорій помѣстилъ его «*quasi quinque signis longius a divinitus custodienda domo sua in loco monachis* [но *Combefis I, lxxviii*: *Μοναχῶς*] *veraciter condecete*. Названіе даетъ уже Θεодосій и мѣстоположеніе крѣпости видимо хочетъ опредѣлить со всею возможною для него точностью. Епифановичъ, 13,5-10: ἐν χώστρω ἐπιλεγομένῳ *Θουσοῦμης*, κειμένῳ ἐπάνω χωρίου *Μόχοις* [*Mochoes*], κλίματος Ἀφιλίας τέλους, κατ' ἀνατολὰς τῆς Ποντικῆς θαλάσσης παρ' αὐτὸν τὸν πόδα τῶν Καυκασίων ὄρεων, πλησίον τῆς τῶν φιλοχρίστων Ἀβασγῶν χώρας καὶ τοῦ ἔθνους τῶν Ἀλανῶν, ὡς ἀπὸ σημείων πέντε τοῦ χωρίου *Ξιχαχώρεως* [*a praedio Zichachorio*] ἤγουν τοῦ πρώτου οἴκου Γρηγορίου, τοῦ ὄντος φιλοχρίστου πατρικίου καὶ μαγίστρου τῆς αὐτῆς τῶν Ἀλζῶν χώρας [*ejusdem regionis Alanogum*]. Повидимому, «*monachis*» или «*Monachos*» въ латинскомъ переводѣ (Шестаковъ, 144, и Муретовъ, 178, переводятъ, принимая чтеніе «*monachis*»), соотвѣтствуютъ греческому *Μόχοις*, и явилось лишь по недоразумѣнію. Въ такомъ случаѣ нужно будетъ, можетъ быть, признать, что Анастасій употребляетъ это названіе въ болѣе широкомъ смыслѣ, нежели какой имѣеть у Θεодосія «*χωρίον Μόχοις*», такъ какъ, по Θεодосію, Анастасій находился собственно въ *Θουσοῦμης*. Согласно съ указываемыми у Θεодосія признаками, *Μόχοις*, повидимому, могло бы быть отождествлено съ мѣстечкомъ Мокви на р. этого имени, верстахъ въ 20—25 отъ Очемчирь (*Μοχὴ* въ Периплѣ анонима, ср. Ф. К. Брунсъ, Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ, въ Зап. Новоросс. универс. 1880, XXX, 2, 249). Такое сопоставленіе дѣлаетъ (для латинскаго «*Mochos*» или «*Mochus*» [?]) Шестаковъ, 144. Для «*Thusumes*» онъ предполагаетъ «Цхоми, Сухумъ». Болѣе сходно съ *Θουσοῦμης* звучитъ указываемое Кекелидзе, 33, названіе «Цхузамела». Выраженіе Θεодосія κατ' ἀνατολὰς τῆς Ποντικῆς θαλάσσης указываетъ, нужно думать, на положеніе не на самомъ берегу Чернаго моря, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него къ востоку. Наиболѣе, кажется, подходила бы къ этому признаку и къ другому—«ἐπάνω χωρίου *Μόχοις*», упомянутая выше крѣпость близъ селенія Джгерды, но при отождествленіи ея съ *Θουσοῦμης* пришлось бы предположить, что она носила иное въ сравненіи съ нынѣшнимъ названіемъ селенія наименованіе. Вмѣсто *Ξιχαχώρεως*, вѣроятно, нужно читать *Ζιχαχώρεως*, соотвѣтственно латинскому *Zichachorio* и въ *Ζιχα* можно видѣть или цихе—джиха, крѣпость (Шестаковъ), или указаніе на *Ζιχρόι*, *Ζήχοι*. Вмѣсто латинскаго «*ejusdem regionis Alanogum*» Кекелидзе, 33, поправляетъ «*Abasogum*», но греческій текстъ даетъ «*τῶν Ἀλζῶν*», и въ дѣйствительности рѣчь идетъ о начальникѣ именно Лазики; «*τῆς αὐτῆς — χώρας*» здѣсь должно поэтому относиться не къ ближайшему «*τῆς τῶν φιλοχρίστων Ἀβασγῶν χώρας*», а къ болѣе отдаленному (13,5) «*Ἀλζιχῆς*».

сий о Схимарисѣ, Мури во всякомъ случаѣ занимаетъ возвышенное положеніе. Но для окончательнаго и рѣшительнаго отождествленія его съ Схимарисомъ эти признаки сами по себѣ еще недостаточны.

Наиболѣе вѣрнымъ способомъ къ точному опредѣленію мѣстоположенія пункта, поименованнаго въ древнихъ памятникахъ, было бы нахожденіе въ соответствующемъ районѣ настолько созвучнаго названія, что его можно было бы, хотя бы при извѣстныхъ предположеніяхъ, признать въ концѣ концовъ тождественнымъ съ древнимъ названіемъ.

Изъ современныхъ кавказскихъ наименованій, которыя могли бы быть указаны въ данномъ случаѣ, если не съ древнимъ «Схимарисомъ», то съ грузинской передачей его «шмаръ», представляетъ извѣстное сходство по названію крѣпость «Хумара», на правомъ берегу р. Кубани, въ 55 (47?) в. отъ станицы Баталпашинской, въ 160 в. отъ Ставрополя, при чемъ тутъ же рядомъ (при впаденіи въ Кубань Теберды) находится и древній храмъ имени великомученика Георгія¹. Совсѣмъ близко подходитъ уже къ древнему наименованію «Схимарисъ» названіе сванійскаго общества (приходъ Спасской церкви въ селеніи Сюпъ или Суши) «Цхмари», въ княжеской Сваніи, на южномъ берегу р. Ингура².

¹ О Хумаринскомъ укрѣпленіи см. статью А. П. въ газетѣ «Кавказъ», 1855, № 18—19. Положеніе его здѣсь опредѣляется подъ 43°49' 3"15 с. ш., 59°38' в. д. (отъ Ферро). Ср. Freshfield, The Exploration of the Caucasus. [II. London 1902, 175: «immense rock tower» — 2746 футовъ. Церковь въ 90-хъ гг. XIX вѣка была реставрирована, и въ настоящее время здѣсь существуетъ Георгіевскій мужской монастырь. Ср. путевыя замѣтки А. Мощанскаго, Военно-Сухумская дорога, въ Истор. Вѣстникѣ, 1916, ноябрь, 484—6. У автора замѣчается, что здѣсь былъ, по преданію, Левъ Исавръ и сюда ссылались преступники въ византійскія времена. Какихъ-либо воспоминаній о Максимѣ, по письменному сообщенію мнѣ мѣстнаго инспектора народныхъ школъ В. П. Разумовскаго, въ этой мѣстности вовсе нѣтъ, и особымъ почитаніемъ у осетинъ пользуется именно лишь великомученикъ Георгій. Нынѣшніе осетины поселились тамъ уже въ позднѣйшее время; но несомнѣнно, что они должны были быть тамъ и въ древнія времена.

² [По-свански: ცხუმარ цхумар]. На 10-верстной картѣ читается «Цхма». Въ принадлежащей этому же обществу церкви св. Архангеловъ селенія Лапскальдъ, въ написяхъ на двухъ иконахъ встрѣчаются названія «общество Цхемнрисское», «св. Архангелъ Михаилъ Цхемнрисскій». Д. Бакрадзе, Сванетія, въ Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., кн. VI, 1864, 72, и прилож. № 15. По Бакрадзе, это несомнѣнно есть «Цхомари». Употребленная авторомъ въ текстѣ (69, 72) и находящаяся также на приложенной къ статьѣ картѣ форма названія «Цхомари» поправлена имъ потомъ (288) въ «Цхмари». Такъ стоитъ въ исправленномъ спискѣ сванійскихъ обществъ и селеній сванетскаго пристава кн. Амирджикова (290). Здѣсь же вмѣсто принятаго въ текстѣ «Лафскали» (69) или «Лафсхали» (70) указывается «Лапскальдъ» (290). У Стоянова, Путешествіе по Сванетіи, въ Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., кн. X, 2, 1876, пишется «Цхомарская община» (328) и «Лапсхалдъ» (331). Не безынтересно здѣсь, между прочимъ, сообщеніе, что близъ Лапскальда «въ лѣсу является таинственный свѣтъ, видный

Но оба эти мѣста находятся хотя и недалеко отъ древней Лазики, но уже за предѣлами ея. Въ первомъ случаѣ, если другіе признаки древняго Схимариса — находженіе близъ алановъ и на кавказскихъ высотахъ — соотвѣтствуетъ положенію Хумары, и если предположить, что эта крѣпость существовала уже въ VII в., сомнительнымъ является вопросъ еще и о лингвистическомъ тождествѣ. Что же касается Цхмари, то въ Сваніи можно было бы помѣстить развѣ лишь «сванскую крѣпость», гдѣ былъ Анастасій монахъ, но не Схимарисъ. Но едва ли въ данномъ случаѣ вообще рѣчь можетъ быть о наиболѣе далекой части Сваніи, Сваніи такъ назыв. «княжеской» или «верхней».

Другихъ названій, которыя могли бы быть сопоставлены съ «Схимарисъ» или «нимаръ» хотя бы съ такимъ же правомъ, какъ эти, повидимому, нѣтъ¹.

Нынѣшній географическій терминъ «Мури» съ древнимъ «Схимарисъ» имѣетъ созвучіе весьма отдаленное, соотвѣтствуя до нѣкоторой степени лишь второй части этого слова, безъ перваго его слога. Однако, если происхожденіе этого названія изъ древняго «Схимарисъ», или вообще лингвистическое отношеніе его къ послѣднему, будетъ даже оставаться пока загадкою, реальное тождество Мури съ этою крѣпостью могло бы получить достаточно убѣдительное подтвержденіе съ исторической точки зрѣнія и въ томъ случаѣ, если бы хотя только въ древнихъ памятникахъ нашлось указаніе на существованіе въ области нынѣшняго Мури крѣпости или съ тѣмъ же самымъ названіемъ — «Схимарисъ», или столь близкимъ къ нему, что его можно такъ или иначе безъ особыхъ затрудненій отождествить съ нимъ.

Мнѣ кажется, что можно выставить и защищать болѣе или менѣе успѣшно положеніе, что «Схимарисъ» документовъ VII в. есть не что иное, какъ такъ назыв. обычно «Ухимерій» Прокопія кесарійскаго въ его разсказѣ о лазской войнѣ VI в., и что упоминаемая Прокопіемъ крѣпость съ этимъ именемъ должна находиться, какъ высказалъ это уже Броссе, именно въ районѣ нынѣшняго Мури.

только изъ Цхмари», въ виду разсказа памятниковъ VII в. о свѣтѣ на могилѣ Максима, видѣнномъ самимъ комендантомъ Схимариса; но на основаніи такого совпаденія едва-ли можно дѣлать какія-либо догадки.

¹ Крѣпость $\Sigma\chi\mu\alpha\rho\lambda\iota\nu\acute{\iota}\chi\omega\nu$ или $\Sigma\chi\mu\alpha\lambda\iota\nu\acute{\iota}\chi\omega\nu$ (Proc. De aedif. III, 6) находилась на южномъ побережьи Чернаго моря, какъ отмѣчено это уже у Кекелидзе, 34,4 (здѣсь это названіе передано въ видѣ $\Sigma\chi\mu\alpha\lambda\alpha\nu\acute{\iota}\chi\omega\nu$).

VI.

О войнѣ грековъ и лавовъ съ персами изъ-за обладанія Лазикой Проконій рассказываетъ въ послѣдней VIII книгѣ своего сочиненія о войнахъ Юстиніана, или, по обычно принятому дѣянію его на два какъ бы особыхъ произведенія, въ IV книгѣ *De bello gothico*; продолженіе (съ 553 г.) и конецъ исторіи этой войны даетъ Агаѣй.

Война началась съ того, что царь лавовъ Гувазь, отдѣлившійся въ 541 г. отъ грековъ и призвавшій персовъ, которые немедленно заняли недавно построенную греками къ ю. отъ р. Фасиса крѣпость Петру, въ 549 году опять обратился къ Юстиніану за помощью противъ персовъ. Послѣ первоначальной неудачи, въ слѣдующемъ 550 г. греки отняли у персовъ и разрушили Петру и болѣе или менѣе прочно утвердился въ западной части Ріонскаго края.

Персидскій полководецъ Мермерой пытался было вслѣдъ затѣмъ осадить главный городъ Лазики Археополь, къ с. отъ Фасиса, но безуспѣшно, и ушелъ въ отстоявшій отсюда на одинъ день пути *Μουχίρησις* (al. *Μοχῆρησις*), лучшую по плодородію мѣстность въ Лазикѣ и потому наиболѣе населенную, расположенную между Фасисомъ и притокомъ его Ипписомъ (*Ἰππις* = Цхенись-цѣали); здѣсь именно останавливался лагеремъ при вторженіи въ Лазику еще предшественникъ Мермероя Хоріанъ. Мермерой здѣсь отстроилъ наскоро на зиму изъ дерева древнюю крѣпость колховъ на Ріонѣ, которая по-гречески тогда называлась, по Проконію, *Κοτιάσιον* (al. *Κοτυάειον*), лавы же называли ее *Κούταις* (*Κουτατίσιον*, *Κόταις*). Колхи нѣкогда сами разрушили въ большей части эту крѣпость, такъ какъ она казалась имъ лежащею на слишкомъ открытомъ и доступномъ мѣстѣ¹.

«Въ ближайшемъ же разстояніи отъ Кутаиса, сообщаетъ далѣе Проконій, есть весьма сильная крѣпость съ именемъ *Οὐχαιμέριον* [*Οὐχαιμέριος*?, al. *Οὐδιμέριος*]. Лавы тщательно оберегали этотъ пунктъ; принимали съ ними участіе въ охранѣ крѣпости и немногіе числомъ ромейскіе войны. Итакъ Мермерой здѣсь [въ Мухирисисѣ] расположился со всеѣмъ войскомъ, занимая, съ одной стороны, лучшую область Колхиды, и съ другою — лишая противниковъ возможности доставить въ крѣпость *Οὐχαιμέριος* что-либо изъ необходимыхъ припасовъ, а также проходить въ страну такъ назыв. Сванію и Скимнію, хотя она и была подчинена имъ; потому что разъ въ

¹ Proc. De bellis, VIII, 14, 47, ed. Hauray, II, 564—5: οὐ δὴ καὶ φρούριον ἀποδομήσαντο ἐκ παλαιῶν Κόλχοι, οὐπερ ὕστερον αὐτοὶ τὸ πλεῖστον ἐς ἔδαφος καθέλωσεν, ἐπεὶ ἐν πεδίῳ κείμενον ἐσάραν ὑπὲρ εὐέροδον σφίσιν ἔδοξεν εἶναι.

Мухирисисъ находится непріятель, для лазовъ и ромеевъ оказывается уже закрытымъ путь въ эти мѣста»¹.

Черезъ нѣсколько времени, когда въ Константинополь шли переговоры о мирѣ въ 551—2 г. (въ 25 годъ царствованія Юстиніана), эта крѣпость перешла въ руки персовъ. Изъ ненависти къ ромеямъ, одинъ знатный лавъ, Теофовій, придя въ крѣпость, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Мермероемъ, обманомъ убѣдилъ гарнизонъ сдаться персамъ, сообщивъ ложныя свѣдѣнія о несмѣтной силѣ пришедшихъ будто бы съ самимъ Хосроемъ въ Лазіку персовъ и о бесполезности какого-либо сопротивленія имъ. Персы заняли крѣпость и упрочили этимъ въ высшей степени свою власть въ Лазикѣ. И не только Лазіку забрали они въ свои руки черезъ это, но и Скимнію съ Сванією. Для ромеевъ и для царя лазовъ такимъ образомъ стали недоступны всѣ мѣста отъ Мухирисиса до Ивиріи². Мермерой, построивъ при наступленіи зимы деревянную стѣну въ Кутаисѣ, помѣстилъ здѣсь отрядъ не менѣе чѣмъ изъ 3 тысячъ человекъ, оставилъ достаточное количество стражи и въ крѣпости Οὐχημέρες; отстроивъ еще находившуюся на самомъ краю Лазіки лавскую крѣпость Σαραπανίς, самъ онъ имѣлъ пребываніе въ послѣдней.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны, въ 552—5 гг., персы ежегодно выступаютъ изъ прочно занятой ими позиціи въ восточной части Лазіки противъ грековъ и лазовъ, находившихся на западѣ, но не достигая какихъ-либо важныхъ результатовъ, опять возвращаются къ Кутаису и Мухирисису.

Послѣ 555 г. война уже не продолжалась. Зихъ Исдигуна, посоль Хосроя, отправленный въ Константинополь въ 556 г. для переговоровъ о мирѣ, настаивалъ на томъ, чтобы за персами остались взятые ими въ Лазикѣ города и крѣпости. Въ 562 г. при заключеніи 50-лѣтняго мира Петръ патрикій, между прочимъ, безуспѣшно пытался отстоять право ромеевъ на

¹ VIII, 14, 51—54, 565—6: τοῦ δὲ Κόττις [Κουταταίου] ἄγχιστα φρούριον ἐχυρώτατον [ἄχυρώτατον] ἐστίν, Οὐχημέρες [Οὐχημέριον] ἄνομα· ἐν ᾧ δὴ φυλακτῆριον ἐς τὸ ἀκριβὲς οἱ Λαζοὶ εἶχον. μετεῖχον δὲ σφίσι τῆς τοῦ φρουρίου φυλακῆς καὶ Ῥωμαῖοι στρατιῶται ὀλίγοι τινές. οἱ μὲν οὖν Μερμερόης τῶ παντὶ στρατῶ ἑνταῦθα καθῆστο, γῆς τε τῆς Κολχίδος τὰ κάλλιστα ἔχων, ἐμποδίας τε τοῖς ἐναντίοις γινόμενος ἐς τὸ Οὐχημέρες [Οὐχημέρες] φρούριον τῶν ἐπιτηδείων τι ἐσομιζέσθαι, ἢ ἐς χωρὰν τήν τε Σουανίαν καὶ τήν Σκουμνίαν καλουμένην ἵνα, καίπερ σφίσι αὐτῆς κατηχύου οὐσης. πολέμιων γὰρ ἐν Μεληρήσιδι ὄντων [Μεληρήσιδι ὄντων Κ, Μουχαρισιδιόντων L], Λαζοῖς τε καὶ Ῥωμαίοις ὁδοῦ ἀποκαλειῖσθαι τῆς εἰς τὰ ταῦτα χωρία ζυμβαίνει.

² VIII, 16, 13—14, 572: οὕτω μὲν Πέρσαι τὸ Οὐχημέρες [Οὐχημέρες] φρούριον ἔσχον καὶ Λαζικῆς τήν ἐπικράτησιν ἰσχυρώτατα ἐκρατούναντο. οὐ μόνον δὲ Λαζικὴν ταύτην [ταύτη Κ] οἱ Πέρσαι ὑποχείριαν πεποιήνται, ἀλλὰ καὶ Σκουμνίαν τε καὶ Σουανίαν, ἐκ ᾧ δὲ Μεληρήσιδος [Μουχαρισιδος Κ, Μουχαρισιδος L] ἄξι: ἐς Ἰβηρίαν ἄβατα Ῥωμαίοις τε καὶ τῶ Λαζῶν βασιλεῖ ζυμπαντα τὰ ἐκεῖνη χωρία τῶ τρόπῳ ταύτῃ ἐγένετο.

Сванію, указывая на то, что подъ власть персовъ она перешла 10 лѣтъ тому назадъ лишь потому, что лазы перестали посылать сванамъ хлѣбъ.

Въ результатѣ войны восточная часть Лазики, въ частности Мухирисисъ, Кутаисъ, крѣпость *Οὐχιμέρες*, также и Сванія, перешли подъ власть персовъ. Обладанію Мухирисисомъ и крѣпостью *Οὐχιμέρες* придается у Прокопія при этомъ особо важное значеніе.

Гдѣ находилась эта упоминаемая Прокопіемъ крѣпость, бывшая, по нему въ «ближайшемъ разстояніи (*ἄγχιστα*)» отъ Кутаиса?

Извѣстный своими заслугами по изслѣдованію Кавказскаго края французскій ученый *Dubois de Montpéreux*, на основаніи, повидному, лишь этого именно выраженія, высказалъ — едва ли не впервые — мнѣніе, что «Ухимерій» находился противъ Кутаиса, на правомъ берегу Ріона, на мѣстѣ нынѣшнихъ развалинъ крѣпости и каедральнаго собора¹. Это мнѣніе потому, насколько извѣстно, прочно утвердилось въ литературѣ. Его можно встрѣчать у Муравьева², Госселіани³, Бакрадзе⁴, въ статьѣ о Кутаисѣ Масальскаго въ Энциклопедіи Брокгауза-Ефрона⁵, у Джанашвили въ его переводѣ Географіи Вахушта⁶, у Кекелидзе⁷.

На дѣлѣ однако такое утвержденіе не вытекаетъ съ необходимостью изъ имѣющихся у Прокопія данныхъ. Сколь бы близко — *ἄγχιστα* — «Ухимерій» ни находился къ Кутаису, видѣть его въ лежащей на правомъ берегу части нынѣшняго Кутаиса, а въ другой части — на лѣвомъ берегу — видѣть древній Кутаисъ, значитъ собственно предполагать, что лазы имѣли двѣ крѣпости въ одномъ и томъ же мѣстѣ, только на двухъ разныхъ берегахъ Ріона. Если нельзя признать этого безусловно невозможнымъ, предполагая, что крѣпости построены были въ разное время, такъ что одна изъ нихъ оказалась потомъ излишнею, всетаки это является въ данномъ

¹ *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 vol. Paris 1839—43. Atlas. Neuchatel 1840—43. I, 398—439; II, 72: Oukhimérior ou Marium; II, 109.

² А. Н. Муравьевъ, Грузія и Арменія. III. Спб. 1848, 143, 146.

³ П. Госселіани, Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи. Сиб. 1851, 31.

⁴ Д. Бакрадзе, Лазика и борьба за нее персовъ съ Византійцами, въ газетѣ «Кавказъ», 1856, № 59. — Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. Тифлисъ 1875, 86 (выписка изъ *Dubois de Montpéreux*).

⁵ Полутомъ 33 (1896), 135.

⁶ 212, прим.: «Ухимеріюнь, очевидно, есть кутаисская «Архіерейская гора», извѣстная подъ именемъ Охвамеіани. Это слово образовалось отъ охваме (св. м.) — церковь, моельня. На картахъ «Охваме» обозначенъ еще въ Лазистанѣ, на берегу моря». Далѣе выписка описанія *Dubois de Montpéreux* изъ Бакрадзе.

⁷ ТрКА, 1912, сентябрь, 30,—ссылка на указаннос примѣчаніе Джанашвили.

случаѣ мало вѣроятнымъ: непонятно, для чего колхи стали бы строить крѣпость на непригодномъ для этого лѣвомъ берегу Ріона, когда болѣе удобнымъ для этого представлялся другой берегъ. Открытою и доступною для непріятелей могла показаться колхамъ и крѣпость на холмѣ на правомъ берегу, почему они и рѣшили уничтожить эту крѣпость. И для Мермероя, послѣ того какъ взятъ былъ предательствомъ Теофевія «Ухимерій», достаточно было бы, повидимому, лишь утвердиться въ этой «весьма сильной» (ὄχυράτατος) крѣпости, если она находилась рядомъ съ Кутаисомъ. Онъ, между тѣмъ, и послѣ этого находить нужнымъ строить деревянную стѣну въ Кутаисской крѣпости и поставить здѣсь значительный гарнизонъ независимо отъ особаго гарнизона въ «Ухимеріи».

Необходимо еще обратить вниманіе на то, что Прокопій, какъ на слѣдствіе занятія персами Мухирисиса, указываетъ на закрытіе для ромеевъ и лазовъ доступа къ «Ухимерію», а также (ἤ) въ Сванію и Скимнію (VIII, 14, 53). Можно понимать это и какъ указаніе на два различныя, независимыя одно отъ другого слѣдствія, помѣщая «Ухимерій» въ Кутаисѣ, въ южной части Мухирисиса или вообще западной окраины Лазики, тогда какъ Сванія и Скимнія граничили съ сѣверомъ этой окраины. Но можно и здѣсь уже, въ этомъ сопоставленіи «Ухимерія» съ Сваніей и Скимніей, видѣть указаніе на связь между той или иной судьбой этой крѣпости и доступомъ въ указанныя области. На самомъ дѣлѣ, то, что Прокопій говоритъ далѣе о слѣдствіяхъ захвата персами «Ухимерія», что они чрезъ это не только въ высшей степени укрѣпили свое положеніе въ Лазикѣ, но оказались фактически обладателями Скимніи и Сваніи (VIII, 16, 14), свидѣтельствуешь, что захватъ «Ухимерія» имѣлъ особое значеніе для утвержденія власти персовъ именно въ этихъ областяхъ. Но обладаніе «Ухимеріемъ» = Кутаисомъ, а не какою-либо болѣе близкою къ Сваніи и Скимніи крѣпостью, еще не открывало для персовъ прямого доступа въ эти области, и не заграждало само по себѣ совершенно пути для ромеевъ и лазовъ въ указанныя страны.

Небезразлично, наконецъ, въ данномъ случаѣ, повидимому, и то обстоятельство, что въ дальнѣйшемъ, и у Прокопія и у Агаѳія, когда говорится о пребываніи персовъ въ Мухирисисѣ, ихъ экспедиціяхъ отгуда и возвращеніи туда, упоминается при этомъ еще всегда лишь Кутаисъ, но ни разу «Ухимерій», хотя послѣдній находился уже въ рукахъ персовъ, и по значенію долженъ былъ превосходить Кутаисъ съ его деревянной стѣной¹.

¹ Proc. De bellis, VIII, 17, 19, ed. Haury II, 579: ἐπὶ τε Κόβταϊς [Κούβταϊς L] καὶ Μουχίρησιν [Μουχίρησιν L] ἀπεχώρησαν. Agath. Histor. II, 22, ed. Niebuhr, 112: [Μερμερόης] πάλιν

Такимъ образомъ, не придавая употребленному Прокопіемъ выраженію «*ἄγυστα*» значенія непосредственной близости или даже почти тождества съ Кутаисомъ, естественно понять его въ болѣе растяжимомъ смыслѣ, и поискать «Ухимерія» въ нѣкоторомъ, хотя и недалеко отъ Кутаиса, разстояніи, именно по направленію къ Сваніи.

Отъ обычнаго представленія о Кутаисѣ и Ухимеріи отстываетъ уже Кохъ. Но онъ находитъ нужнымъ и самый Кутаисъ, упоминаемый въ древнихъ памятникахъ, перенести на другое мѣсто, предполагая на мѣстѣ нынѣшняго Кутаиса древній Археополь, главный городъ Лазики (помѣщаемый обычно въ Наколакеви). По его мнѣнію, древній Кутаисъ, отстроенный персами для того, чтобы сдѣлать для ромеевъ невозможными сношенія между Археополемъ и Ухимеріемъ и лежащими далѣе къ сѣверу областями, долженъ былъ находиться сѣвернѣе нынѣшняго Кутаиса, и можетъ быть, это есть нынѣшняя крѣпость «Квишилети» (*Quischilethi*): находясь именно здѣсь, персы могли отрѣзать доступъ на сѣверъ своимъ противникамъ¹. Развалины крѣпости, съ названіемъ «Кисорети», на 5-верстной картѣ 1912 г. отмѣчены подъ 42° 26' с. ш., и 60° 32' 30" в. д., въ 21 верстѣ отъ Кутаиса, въ 25 отъ Мури². О положеніи «близкаго къ Кутаису» Ухимерія авторъ съ опредѣленностью не высказывается. Для него однако, повидимому, было бы вполне возможно относить Ухимерію въ область Мури. Но въ гипотезѣ его относительно самаго Кутаиса нѣтъ никакой необходимости, нѣтъ и твердыхъ основаній для нея.

Оставляетъ древній Кутаисъ на мѣстѣ нынѣшняго, но отдѣляетъ отъ него «Ухимерію» и помѣщаетъ въ извѣстномъ отдаленіи Броссе. Въ замѣчаніи Прокопія, что когда округъ Мухирисисъ занятъ неприятелемъ, то нельзя пройти въ «Ухимерію» и въ Сванію, онъ усматриваетъ указаніе на положеніе Ухимерія за предѣлами Мухирисиса, именно къ сѣверу. «Можетъ быть нужно, говоритъ онъ еще опредѣленнѣе, искать это мѣсто въ Леч-

ἔς τε Κοτάϊσιν καὶ Μουχεϊρίσιν ἐπαγῆκεν. III, 6, 148: οἱ δὲ ἐς Μουχεϊρίσιν τε καὶ Κοτάϊσιν τεταγμένοι Πέρσαι; далѣе безъ Кутаиса, 149—150: ἐπ' ἐκείνους τοὺς ἐκ Μουχεϊρίσιδος ἐρχομένους. III, 7, 150: ἀρχυτες ἔκ τε Κοτάϊσίου καὶ Μουχεϊρίσιδος. III, 28, 203: [Ναχοραγῶν] ἐπὶ Κοτάϊσιν καὶ Μουχεϊρίσιν ἐπορεύετο; ниже: εἰς Μουχεϊρίσιν ἵκοντο. IV, 15, 237—8: ἐπαγῆσαν ἔς τε τὸ Κοτάϊσιν καὶ τὴν Ψηρίαν. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это, съ точки зрѣнія гипотезы Дюбуа, могло бы быть объясняемо и тѣмъ, что войско персовъ имѣло мѣстопробываніе въ Мухирисисѣ (не только области, но и опредѣленномъ пунктѣ — городѣ, ср. Рос. II, 29, 18) и Кутаисѣ, и обѣ «Ухимеріи» — крѣпости рядомъ съ Кутаисомъ — не было нужды упоминать.

¹ К. Koch, Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. II. Stuttgart und Tübingen 1843, 179—180.

² У Вахушта, перев. Джанашвили, 213 (Brosset, 373): «Къ сѣверу отъ Кутаиса и къ западу отъ Ріона находится въ Квишилети крѣпость, очень крѣпкая».

хумѣ, который и занимаетъ на дѣлѣ такое положеніе». Такъ какъ на картахъ нѣтъ подобнаго названія, то Броссе указываетъ на крѣпость Дехвирь (Дехвири) на правомъ берегу верхняго теченія Цхенись-цкали. Эта крѣпость въ центрѣ Лечхума, по Вахушту, «есть глава Таквери [мѣстность отъ Горди до Кавказа]; ибо кто владѣеть ею, все прочее подчиняется тому». Броссе думаетъ, что несмотря на несходство названій, возможно, что это именно и есть «Ухимерій»¹.

Особаго вниманія предположеніе Броссе на себя, повидимому, не обратило, и общераспространеннымъ является мнѣніе Dubois de Montregeux². Между тѣмъ, не зная о «Схимарисъ» греческихъ памятниковъ VII в. и о «Имаръ» грузинскаго перевода, какъ мѣстѣ заключенія Максима³, и о возможности отождествить его съ Мури (поскольку близъ этой крѣпости указывается могила Максима и у Вахушта), Броссе указалъ независимо отъ этого, на основанія общихъ лишь соображеній,

¹ M. Brosset, Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1469 de J.-C. St. Pétersbourg 1851, p. 102: Oukhimérium, château au voisinage de Cotatidium, et très bien fortifié; on ne pourrait y arriver, non plus que dans la Souanie, quand le canton de Moukhirisis était occupé par l'ennemi. La remarque de l'auteur grec semble indiquer que le fort Oukhimérium était pardelà Moukhirisis, c. à d. vers le N. Peut-être doit-on chercher ce lieu dans le Letchkhoun, qui est en effet dans une situation pareille. Quoi qu'il en soit, le nom ne se retrouve pas sur nos cartes. Проконій у Броссе цитируется по выпискамъ изъ латинскаго перевода у Stritter'a, IV, 74, 76, 77. При этомъ Броссе сообщаетъ, что въ одной граматѣ ок. 1510 г. № 5 груз. рук. 27 in fol. Спб. Азіатскаго Музея упоминается мѣстность въ Имеретіи съ названіемъ Okhomira безъ обозначенія ея положенія. «Les deux noms — говорятъ въ другомъ примѣчаніи, гдѣ приводятся слова Вахушта о Дехвири, — ne se ressemblent pas, mais il se pourrait que ce fût la même localité». («Дехвирь» у Броссе здѣсь пишется «Dékwiw», но, повидимому, это опечатка вмѣсто «Dékhwir», какъ стоитъ въ его переводѣ географин Вахушта, р. 349). Далѣе, р. 104, это отождествленіе отнесено къ числу «довольно вѣроятныхъ». Въ рѣчи о Кутаисѣ, р. 99—100, «Ухимерій» не упоминается, и ставится лишь вопросъ: не «новый» ли городъ на лѣвомъ берегу Ріона, на равнинѣ, разрушили лазы, какъ слишкомъ доступный для непріятели, такъ какъ часть города на правомъ берегу возвышается по крайней мѣрѣ на 60 саженой надъ Ріономъ. О положеніи Дехвири ср. Brosset, Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. II (1850), p. 37: «tour de Dékhwir est sur une hauteur entre le ruisseau Geloanis-Tsqal et la Tskhéuis-Tsqal, entre Mzkheta et un autre village» — въ развалинахъ; въ 200 шагахъ другая башня, тоже въ развалинахъ; въ 7 верстахъ — Мури съ хорошей крѣпостью.

² Но напр. G. Merzbacher, Aus den Hochregionen des Kaukasus. I. Lpz. 1901, 286, считаетъ ошибочнымъ признаніе (у Mourier) крѣпости на правомъ берегу Ріона въ Кутаисѣ за «Ухимерій» (у автора «Uchomerion») Проконія.

³ Въ своемъ Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. I (1849), р. 64—5, Броссе, указывая въ числѣ видѣнныхъ имъ въ Мингреліи у князя Давида Дадіани грузинскихъ рукописей двѣ книги съ именемъ св. Максима Исповѣдника, одну, писанную на пергаментѣ церковнымъ письмомъ, и другую in ^{fo}, начинавшуюся житіемъ Максима, замѣчаетъ: «Въ Мингреліи я слышалъ, что этотъ святой, которому посвящена церковь близъ Цагеръ (Tzager), проповѣдывалъ нѣкогда христіанство въ этихъ странахъ и въ Сванетіи; но я не имѣлъ еще случая читать его житіе».

какъ на «Ухимерій» Прокопія, на мѣсто, которое всего лишь верстахъ въ 7 (по прямой линіи на 5-верстной картѣ 1912 г. — въ 4—4½) отстоять отъ Мури. Уже это обстоятельство говорить за правдоподобность тождества: Ухимерій=Схимарись=Мури.

Самого Броссе отождествить Дехвири съ «Ухимеріемъ» побудило замѣчаніе Вахушта объ особомъ значеніи этой крѣпости¹. Но вполне возможно, что въ эпоху лазской войны болѣе значеніе имѣла находившаяся столь близко отъ нея крѣпость Мури. Последнюю Вахуштъ самъ характеризуетъ какъ такую, которая никѣмъ не была взята и не подвергалась разрушенію². Она именно непосредственно запираетъ дорогу въ Сванію, охраняя проходъ чрезъ долину Цхенись-цѣкали, и ея неприступность вызываетъ и нынѣ удивленіе путешественниковъ: какъ могли въ древности, безъ средствъ современной техники, воздвигать подобныя сооруженія³.

Когда въ VII в., послѣ побѣдъ Ираклія надъ персами, власть Византіи въ Лазикѣ была восстановлена въ полномъ объемѣ, византійское правитель-ство опять могло пользоваться Лазикой и ея крѣпостями для ссылки осуждаемыхъ имъ лицъ, какъ дѣлалось это по временамъ и прежде. Для Максима, главнаго лица между сосланными туда въ 662 г. противниками моноелитства, Схимарись=Ухимерій и избранъ былъ, можно думать, какъ мѣсто заключенія наиболѣе суровое и притомъ, въ виду особо важнаго значенія этой крѣпости, особенно твердо держимое ромеями въ своихъ рукахъ. Его оттуда уже не переводили еще куда-либо, тогда какъ обоихъ Анастасіевъ скорѣе же нашли нужнымъ перемѣстить изъ тѣхъ крѣпостей, гдѣ сначала ихъ заключили, въ другія. Если потомъ новый правитель Лазики рѣшилъ отправить и Анастасія алокрисиарія изъ крѣпости Phustas въ Схимарись,

¹ Въ пользу Дехвири можно бы, между прочимъ, сослаться еще на указанную выше мѣстную грузинскую легенду, по которой Максимъ жилъ именно въ селеніи Дехвири, здѣсь былъ убитъ и здѣсь первоначально похороненъ, сначала въ Чурись-цѣкали, на мѣстѣ своего жительства, затѣмъ въ Кокосе, потомъ было новое погребеніе близъ Цхетской церкви и уже послѣ всего этого онъ былъ положенъ въ Мури. Въ такомъ случаѣ нужно было бы предположить, что легенда заключаетъ въ себѣ отголоски историческаго преданія, хотя въ высшей степени искаженнаго, о заключеніи Максима въ крѣпости Дехвири и погребеніи его первоначально близъ этой крѣпости и о бывшемъ затѣмъ когда-то перенесеніи его мощей въ Мури. Однако, она могла образоваться и помимо такой фактической основы, въ виду развившагося со временемъ мѣстнаго культа св. Максима и соединенныхъ съ нимъ процессій. Только въ томъ случаѣ, если было бы установлено такъ или иначе лингвистическое тождество съ «Схимарись» («Ухимерій») не «Мури», а «Дехвири», необходимо было бы отказаться отъ предположенія о заключеніи Максима въ крѣпости Мури. Для вопроса о мѣстѣ погребенія его, очевидно, это было бы безразлично, такъ какъ легенда въ концѣ концовъ могилу его указываетъ всетаки въ Мури.

² Brosset, 351 = Джанашвили, 201.

³ Merzbacher, I, 321.

очевидно, для того, чтобы отягчить его судьбу, это также можетъ, между прочимъ, указывать на особую репутацію въ тѣ времена этой крѣпости, какъ мѣста заключенія.

Въ концѣ VII в. Лазика съ ея крѣпостями снова совѣмъ уже выпала изъ-подъ власти Византіи, будучи передана арабамъ (695 г.) самимъ правителемъ ея, патрикіемъ Сергіемъ¹.

VII.

Препятствіемъ къ отождествленію «Ухимерія» Прокопія и «Схимариса» памятниковъ VII в. является, повидимому, различіе этихъ двухъ древнихъ наименованій, причемъ отъ обоихъ отличается новое «Мури»². Можно, однако, думать, что различіе между древними названіями на дѣлѣ обязано своимъ происхожденіемъ не болѣе какъ недоразумѣніямъ въ рукописномъ преданіи нѣкоторыхъ изъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ встрѣчаются эти названія.

Характерно въ настоящемъ случаѣ и не безразлично уже то, что въ рукописяхъ сочиненія самого Прокопія названіе крѣпости, о которой идетъ рѣчь, передается неодинаково, такъ что приходится уже и тамъ дѣлать выборъ между двумя его формами.

Рукописное преданіе для второй тетрады труда Прокопія о войнахъ Юстиніана (V—VIII), сводится, по Компаретти и Гаури, новѣйшимъ издателямъ ея³, къ двумъ фамиліямъ, во главѣ которыхъ стоятъ кодексы:

¹ Theophanis Chronographia, а. 6189, ed. de Boor, 370: καὶ ἐστασίασε Σέργιος [Γεώργιος Vat. Palat. 395, Coisl. 133, Monac. 391], ὁ πατρικίος τῆς Λαζικῆς, ὁ τοῦ Βαρρουχίου [Βαρρουχίου Coisl. 133, нѣтъ въ лат. перев.], καὶ ταῦτ' αὖ τοῖς Ἀραβῶν ὑπέταξεν. Въ прежнемъ изданіи вмѣсто ὁ τοῦ Βαρρουχίου читалось καὶ τοῦ Βαρρουχίου, и поэтому имя это прежде принималось за названіе какой-то неизвѣстной страны (ср. Martin въ Lebeau, Hist. du Bas-Empire, XII, 1831, 42, в). Въ запискѣ Θεодосія гангрскаго упоминается Λεβερνίκιος ὁ πατρικίος Λαζικῆς (Епиф. 12, 18, лат. пер. PL, 129, 683B—PG, 90, 195A: Lebarncius patricius Lazicae). Можно поставить вопросъ, не есть ли этотъ Λεβερνίκιος и отецъ Сергія Βαρρουχίου въ дѣйствительности одно и то же лицо, и не является ли подлинною формою его имени Λεβερνίκιος. По поводу этого имени можно вспомнить еще мірское имя царевича Петра Ивира въ сирийскомъ текстѣ его житія «Набарнугіос» (изд. Raabe, 4; Набронугіос 86). «На» и «ле» въ сирийскомъ письмѣ, какъ извѣстно, могли быть смѣшиваемы, и въ виду существованія имени Λεβερνί- [οῦ?]κίος можетъ являться вопросъ, не стояло ли въ греческомъ оригиналѣ житія именно это имя, а не Набарнугіос нынѣшняго сирийскаго текста. Въ грузинскомъ переводѣ съ сирийскаго «Набарнугіос», однако, замѣнено чрезъ «Мурваносъ», и Н. Я. Марръ полагалъ, что оно могло произойти изъ «Мурваніосъ» въ сирийскомъ письмѣ (Житіе Петра Ивира, Палест. Сборникъ, XVI, 2 [1896], XXVIII—XXIX).

² Совершенно неяснымъ для меня остается, на чемъ основывается у Dubois de Montpéroux, II, 72: «Oukhimérian ou Marium».

³ La guerra Gotica di Procopio di Cesarea. Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di D. Compertti. I—II—III. Roma 1895—6—8. Procopii Caesariensis opera omnia. Recognovit J. Hauri. II. Lipsiae 1905. По вопросу о рукописномъ преданіи этой

ваტიканскій — Vatic. gr. 1690, XIV в. — по Гаури [= *K*, фамилія *z*], начала XIII — по Компаретти [= *V*], половины XIII — по Крашенинникову, и флорентійскій — Laurent. 69, 8, XIV в. [= *L*, фамилія *y*, у Гаури, = *M* у Компаретти). Относительно разсматриваемаго названія лазской крѣпости, встрѣчаемаго у Прокопія 6 разъ, дѣло обстоитъ, по указаніямъ Компаретти и Гаури, въ поименованныхъ рукописяхъ слѣдующимъ образомъ¹:

	ed. Haury	cod. Vat. 1690 [=K=V]	cod. Laur. 69, 8 [=L=M]
1) VIII, 14,51	p. 565,15	φρούριον - -, οὐδιμέρεος ἄνομα	οὐχειμέριον
2) 14,53	565,21	ἐς τὸ οὐδιμέρεος φρούριον	οὐχειμέρεος
3) 16,4	571,1	φρούριον ἐνδῶσειν τὸ οὐδιμέρεος	οὐχειμέριος ²
4) 16,12	572,15	ἐς τὸ οὐδιμέρεος ἔπεμφε	οὐχειμέρεος
5) 16,13	572,18	τὸ οὐδιμέρεος φρούριον ἔσχον	οὐχειμέρεος
6) 16,16	573,7	ἐν τε τῷ οὐδιμέρεος	οὐχειμέρεως ³

Такимъ образомъ, въ ватиканскомъ кодексѣ съ неизмѣнной послѣдовательностью проводится чтеніе *οὐδιμέρεος*, такъ какъ *οὐδιμέρος* (№ 3) нужно, очевидно, считать лишь за простую опіску, воспроизводимую и въ копіяхъ этой рукописи. Съ такимъ же почти постоянствомъ, если не въ самой флорентійской рукописи, то въ представляемой ею группѣ, предлагается, съ

тетрады и вообще сочиненія Прокопія о войнахъ ср. М. Крашенинникова, рецензію на I томъ изданія Компаретти въ ЖМНПР, 1895, ноябрь, 123—158, статью «Къ рукописному преданію „Ἐπερ τῶν πολέμων“ Прокопія Кесарійскаго», въ *Commentationes philologicae*. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго. СПб. 1897, 191—3, и статью «Къ критикѣ текста второй тетрады „Ἐπερ τῶν πολέμων“ Прокопія Кесарійскаго», въ ВВр, V, 1898, 439—482, съ дополненіемъ въ VI, 1899, 288—291 (ср. также XX, 1913, 216). Авторъ общіаь, сверхъ того, особое изслѣдованіе съ детальнымъ опроверженіемъ построчія у Гаури общей стеммы рукописнаго преданія обѣихъ тетрадъ (ВВр, V, 474).

¹ У Гаури въ критическомъ аппаратѣ отмѣчаются всюду въ данномъ случаѣ только чтенія *K* и *L*, но если судить по изданію Компаретти, для *L* въ двухъ случаяхъ невѣрно (№ 3 и 6). Компаретти даетъ изъ использованныхъ имъ рукописей обильный матеріалъ, обременяя его, однако, частію ненужнымъ балластомъ, какъ указалъ на это Крашенинниковъ въ своей рецензіи (128—9: *W* и *v* списаны съ *V*, *f* списано съ *m*, и отмѣчать ихъ варианты можно бы, для тѣхъ или иныхъ цѣлей, не всегда, а только въ случаяхъ какихъ-либо особо характерныхъ искаженій ими своихъ оригиналовъ; Компаретти же всюду ставитъ ихъ въ своею аппаратѣ). *W* у Компаретти (*f* у Гаури) есть Vat. gr. 1301 s. XVI, *v* (*V*) — Vat. gr. 152 XIV, *V* (*K*) — Vat. gr. 1690 XIII, *f* (*d*) — Monac. 513 XVI, *Reg.* (*e'*) — Par. 1699 XV; *M* (*L*) — Laur. 69,8, XIV, *C* (*a*) — Ambr. A 182 XIV, *D* (*e*) — Ambr. A 52—55 XVI, *m* (*n*) — Monac. 87 XVI.

² У Гаури здѣсь показано подъ строкой *οὐχειμέρεος L*, но у Компаретти (III, 118,1a) *οὐχειμέρεος M οὐχειμέρεος CDmf οὐδιμέρος WvVf (marg.) L* [лейденская копія *Reg.*].

³ У Гаури *οὐχειμέρεος L*, но у Компаретти (III, 122,1) *οὐχειμέρεως M οὐχειμέρεος CDmf. H* [ed. Hösche] *οὐδιμέρεος WvVf (marg.) L*.

другой стороны, чтеніе *ὀυχεμέρεος*, за исключеніемъ одного только случая, гдѣ стоитъ *ὀυχεμέριον* (1); *ὀυχεμέριος* (3) и *ὀυχεμέρεως* (6) могутъ быть поняты какъ описки флорентійскаго кодекса, которыхъ притомъ же нѣтъ въ другихъ примыкающихъ къ нему рукописяхъ¹.

Что касается печатныхъ изданій, то текстъ прежнихъ издателей (Höschel 1607, Maltret 1662—3, Dindorf 1833) для второй половины труда Прокопія возводился къ двумъ лишь позднѣйшимъ рукописямъ. Изъ нихъ одна — Монас. 87, XVI в. примыкаетъ къ флорентійской, другая — Paris. 1699, XV в. (Höschel зналъ ее лишь по двумъ копіямъ) — къ ватиканской, но съ зависимостью и отъ флорентійской². Чтеніе *ὀυχεμέριον*, встрѣчающееся въ одномъ случаѣ (№ 1) въ Монас. 87, они ввели въ свой текстъ и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ (№ 2—5; 6: *ἐν τε τῷ ὀυχεμερίῳ*), гдѣ въ рукописи читалось иначе. *ὀυδιμέρεος* и *ὀυδιμερος* (№ 3), изъ Paris. 1699 и копій его, отмѣчается лишь въ вариантахъ³. Изъ новѣйшихъ издателей, Компаретти въ данномъ случаѣ всецѣло послѣдовалъ старымъ. Гаури, напротивъ, ставитъ вездѣ въ текстъ чтеніе ватиканской рукописи *ὀυδιμέρεος*, замѣняя этимъ же чтеніемъ и единичное *ὀυδιμερος*.

Едва ли нужно и говорить о томъ, что сдѣлавшееся обычнымъ, благодаря старымъ издателямъ, «*ὀυχεμέριον*» въ отношеніи къ окончанію настолько слабо засвидѣтельствовано въ рукописномъ преданіи, что эти издатели и Компаретти не должны бы ставить его на мѣсто чтеній съ окончаніемъ *-εος*. Неясно лишь, слѣдуетъ ли разсматривать слово съ этимъ окончаніемъ въ существующемъ текстѣ Прокопія, какъ несклоняемое, или же какъ родительный падежъ отъ именительнаго на *-εος*.

Но выборъ между *ὀυχεи-* и *ὀυδι-* затруднителенъ. Въ настоящее время единогласно, повидимому, признается важное значеніе для установленія текста второй тетрады труда Прокопія той группы рукописей, которая представлена ватиканскимъ кодексомъ. Это значеніе отмѣчено было уже Компаретти⁴, затѣмъ въ особенности разъяснено Крашенинниковымъ⁵. Съ аргументаціей послѣдняго долженъ былъ согласиться и Гаури, дер-

¹ Изъ нихъ значеніе для критики текста можетъ имѣть, по Крашенинникову, Ambrog. A 182. ЖМНИР, 1895, ноябрь, 129, 2.

² Ср. Comparetti, I, p. XIII—XVI; Крашенинниковъ въ ВВр, 1898, 475—6; Haury, I, p. LV.

³ Ср. Dindorf въ Corpus scr. hist. byz. II, 2, 536, 6, 536, 11, 541, 9, 542, 20, 542, 22, 543, 18; въ послѣднемъ случаѣ указывается, что въ изданіи Höschel'я здѣсь принято *ἐν τε τῷ ὀυχεμέρεος*.

⁴ Comparetti, I, p. XVII.

⁵ ЖМНИР, 1895, ноябрь, 132—3; статья въ Comment. philologicae; ВВр, 1898, 475.

жавшійся сначала другого мнѣнія; въ своемъ изданіи онъ вообще послѣдовательно проводитъ чтенія Vat. 1690¹, — этимъ объясняется появленіе у него и «Οὐδμηρέος». Однако, преимущество въ общемъ преданія, выражаемаго ватиканской рукописью и ея копіями, не обуславливаетъ еще правильности его и во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Компаретти, говоря о превосходствѣ вообще чтеній этихъ рукописей, замѣчаетъ въ то же время, что «во многихъ мѣстахъ, чтеніе, даваемое ими, неправильно, и слѣдуетъ предпочесть ему чтеніе другихъ кодексовъ, — такъ что нельзя было бы дать текстъ цѣликомъ лишь по этимъ (ватиканскимъ) кодексамъ»². Почему именно и по отношенію къ «Οὐχμηρέος» онъ хочетъ держатся флорентійскаго преданія и старыхъ изданій, а не принимаетъ чтенія ватиканской рукописи, неясно. Но во всякомъ случаѣ нужно признать, при имѣющихся нынѣ данныхъ рукописнаго преданія Прокопія, одинаково возможнымъ и Οὐδμηρέος, и Οὐχμηρέος³.

Ясно, что расхожденіе двухъ группъ рукописей началось послѣ какого-то общаго для обѣихъ архетипа, въ которомъ -χε- или -θι- было написано такимъ образомъ, что можно было прочесть и такъ, и иначе; палеографически такое написаніе возможно. Было ли проведено то и другое чтеніе съ полною послѣдовательностью уже въ тѣхъ первыхъ копіяхъ этого архетипа, которыя легли въ основу нынѣшнихъ двухъ группъ рукописей, или же это единообразіе въ каждой изъ нихъ явилось результатомъ какихъ-либо дальнѣйшихъ исправленій, неизвѣстно.

Интересно то обстоятельство, что подобное же разногласіе рукописнаго преданія въ тѣхъ же книгахъ труда Прокопія имѣетъ мѣсто по отношенію и къ другимъ кавказскимъ географическимъ названіямъ, именно — къ упоминаемымъ наряду съ Οὐχμηρέος — Οὐδμηρέος Мухирисису и Ку-таису.

Для перваго названія въ рукописяхъ стоитъ:

¹ Ср. Haury, I, p. LVIII.

² Comparetti, I, p. XVII; ср. у Крашенинникова въ ЖМНП, 1895, ноябрь, 127.

³ Если главною особенностью флорентійскаго преданія являются, какъ устанавливаетъ Крашенинниковъ, интерполяціи, то по крайней мѣрѣ первая копія съ предполагаемаго архетипа, дававшая поводъ своимъ двусмысленнымъ письмомъ къ недоразумѣніямъ, будучи родоначальницей флорентійской фамилии въ отношеніи къ тѣмъ или инымъ разночтеніямъ, отъ этихъ интерполяцій могла быть еще свободна. Недоразумѣніе относительно нѣкоторыхъ собственныхъ именъ могло быть при этомъ на сторонѣ писца не этой копіи, а той, которая легла въ основу другой фамилии, сохранившей въ другихъ отношеніяхъ первоначальный текстъ въ гораздо болѣе исправномъ видѣ.

	ed. Haury	K [V]	L [M]
1) VIII, 1,5	p. 488,13	μοχῆρησις	μουχείρησις
2) 14,45	564,16	ἐς μοχείρησιν	μουχείρησιν
3) 14,45	564,19	μοχῆρησις	μουχείρησις ¹
4) 14,54	566,1	ἐν μοχῆρησιδὶ ὄντων	μουχαίρησιδίωντων
5) 16,14	572,22	ἐκ μοχείρησιδος	μουχείρησιδος ²
6) 16,22	574,7	κατὰ τὴν μοχείρησιν	μουχείρησιν
7) 17,19	579,12	ἐπὶ - μοχῆρησιν	μουχείρησιν

Съ одной стороны, въ ватиканскомъ кодексѣ выступаютъ *μοχῆρησις* (№ 1,3), *μοχῆρησις* (4,7), *μοχείρησις* (2), *μοχείρησις* (5,6), съ другой, во флорентійскомъ регулярно повторяется *μουχείρησις*, за двумя лишь исключениями—*μουχαίρησις* (4) и *μουχείρησις* (5). Ватиканскій кодексъ, такимъ образомъ, здѣсь обнаруживаетъ уже, въ отличіе отъ постоянства, съ какимъ въ немъ проводится *σὺθμῆρεος*, довольно значительную непоследовательность. Вполнѣ устойчивымъ на той и другой сторонѣ является начало слова, *μοχ-* въ ватиканскомъ кодексѣ, *μουχ-* въ флорентійскомъ.

Старые издатели принимали вообще *Μουχείρησις*³, отмѣчая подъ строкой чтенія съ *μο-* изъ Paris. 1699 и его копии. Имъ слѣдуетъ и здѣсь Компаретти. Гаури, напротивъ, и здѣсь вводитъ чтеніе ватиканской рукописи въ формѣ *Μοχῆρησις*.

Очевидно, въ томъ же архетипѣ, который далъ поводъ къ разнымъ чтеніямъ, *-χει-* и *-θη-*, въ *σὺθμῆρεος* — *σὺθμῆρεος*, и гласный звукъ въ первомъ слогѣ *μουχείρησις* — *μοχει[η]ρη[ι]σις* былъ изображенъ такъ, что можно было при извѣстныхъ условіяхъ прочесть и *ου*, и *ο*. Сочетаніе *ου* въ греческомъ письмѣ съ древнѣйшихъ временъ часто являлось въ видѣ лигатуры *Ϻ*, въ комбинаціи же съ дальнѣйшимъ *χ* это *Ϻ* дѣлалось весьма похожимъ на *ο*, отличаясь отъ послѣдняго лишь небольшой чертой вверху, направленной кверху налѣво. Кромѣ того, въ курсивномъ письмѣ *ου* перѣдко являлось въ видѣ *ο* съ небольшой дугой или чертой надъ нимъ, обозначающей *υ* (ὀ, ὄ). Возможность смѣшенія *ου* и *ο* отсюда объясняется весьма легко.

Разсматриваемое названіе встрѣчается въ греческихъ памятникахъ и

¹ У Гаури подъ строкою показано только *μουχείρησις* L, у Компаретти (III, 110,6) *μοχείρησις* Wf (marg.) Reg. *μοχῆρησις* vV.

² У Компаретти (III, 121,6) *μουχείρησιδος* MCDmf *μοχείρησιδος* WvVf (marg.) L. Не есть ли *μοχείρησιδος* у Гаури лишь опечатка?

³ При этомъ для № 4, по Dindorf, 536,14, Maltret *Μουχερήσιδι*, Hüscherl *Μουχαίρησις*, самъ Dindorf *Μουχερήσις*.

помимо второй тетрады сочинения Прокопія. Но и здѣсь оказываются разногласія. Одинъ разъ оно упоминается въ первой тетрадѣ (имѣющей особое отъ второй рукописное преданіе), II, 29,12 (ed. Haury, I, p. 297,17) въ видѣ *μοχῆρησις* въ Ottob. gr. 82, XIV в., и *μοχόρησις* въ Paris. gr. 1702, XIV в. *Μοχῆρησις* здѣсь оставлено въ текстѣ и у прежнихъ издателей; для Гаури оно, повидимому, служило частью основаніемъ предпочесть его другимъ чтеніямъ и въ самой ватиканской рукописи второй тетрады. Но иначе читается это названіе въ рядѣ мѣсть (6) исторіи Агаѳіа. Здѣсь вездѣ, безъ отступленій, въ существующихъ изданіяхъ¹ засвидѣтельствована форма *μουχέρσις* (ed. Niebuhr, II, 19, 105,8, III, 6, 148,13-14, 29, 203,12, 203,21: ες [εις], ἐπι μουχέρσιν, III, 6, 149,19, 7, 150,22: ἐκ μουχέρσιδος). Для старыхъ издателей труда Прокопія она могла служить подтвержденіемъ принятаго ими *Μουχέρσις* во второй тетрадѣ². Такимъ же подтвержденіемъ для чтенія съ *ou* въ первомъ слогѣ является и *μουχορίσιν* въ письмѣ Анастасія (Епифановичъ, 9,25).

Въ итогѣ, болѣе данныхъ за принятіе въ текстъ второй тетрады *μουχέρσις* или *μουχέρσις*, хотя остается неяснымъ появленіе *μοχῆρησις* въ первой тетрадѣ, а странное на первый взглядъ *μοχόρησις* находить даже какъ будто неожиданное подтвержденіе въ *μουχορίσιν* Анастасія для *o* во второмъ слогѣ.

Неменьшія затрудненія представляетъ и вопросъ о названіи Кутанса у Прокопія. Въ рукописяхъ читается:

	ed. Haury	K [V]	L [M]
1) VIII, 14,48	p. 565,3	κοτάις αὐτὸ καλοῦσι	κουτατοῦσιν
2) 14,48	565,14	τοῦ δὲ κοτάις ἀγχιστα	κουτατισίου
3) 16,16	573,5	ἐν κόταις	σκόταις
4) 17,19	579,11	ἐπὶ τε κόταις	κούταις

Ватиканскій кодексъ имѣетъ лишь несущественныя различія въ удареніи для проводимой имъ всюду формы *κοτάις* — *κόταις*. Но флорентійская

¹ Нибуръ имѣлъ для своего изданія (въ бонскомъ Corpus scr. hist. byz. III, 1828) cod. Rehdigeranus a. 1560, и cod. Lugdun. s. XIV, по которому раньше издалъ Агаѳіа Vulcanius (1594); ватиканскимъ кодексомъ, по которому сдѣлалъ нѣкогда переводъ Агаѳіа на латинскій языкъ Perguson, онъ не пользовался, но Rehdigeranus, по его предположенію, есть копія ватиканскаго. Диндорфъ въ своей перепечаткѣ (Historici graeci minores. II. Lipsiae 1871) лишь обѣщаль въ предисловіи дать въ невышедшемъ III томѣ сличеніе кодексовъ, и ватиканскаго кодекса тоже не имѣлъ при печатаніи текста.

² Ср. ссылку на Агаѳіа Maltret, въ изданіи Прокопія Диндорфа, II, 536,14.

рукопись здѣсь во всѣхъ 4 случаяхъ даетъ частью весьма несходныя одно съ другимъ чтенія.

Въ текстѣ editio princeps Гёшелемъ и были нѣкогда приняты изъ его источника всѣ эти различныя чтенія. Мальтрэ и за нимъ Диндорфъ избрали для текста *Κουτατίσιον* (№ 1 и 4, 2: *Κουτατίσιου*, 3: *ἐν Κουτατίσιῳ*). Компаратти печатаегь всегда *Κοταίς*, Гаури *Κόταίς*.

Κοταίς подтверждается чтеніями (5) въ рукописяхъ исторіи Агаѳіа (ed. Niebuhr, II, 19, 105,8, III, 6, 148,14: *ἐς κοταίσιον*, 7, 150,22: *ἐκ τε κοταίσιου*, 28, 203,11: *ἐπι κοταίσιον*, IV, 15, 237,22—238,1; *ἐς τε τὸ κοταίσιον*); прибавлено лишь греческое окончаніе *-ιον*, сократившееся въ *-ιν* (въ такомъ видѣ и печатаегь его Нибуръ, тогда какъ въ болѣе раннихъ изданіяхъ стоить *Κουτατίσιον*). Если это есть вѣрное чтеніе, въ такомъ случаѣ *κουτατίσιου*, равно какъ и *κουτατίσιν*, которое скрывается, вѣроятно, за искаженіемъ *κουτατοῦσιν*, соответствующія древнему грузинскому *Qudaisi* (нынѣшнее — *Qudaisi*), нужно будетъ считать позднѣйшею поправкою въ *L [M]* со стороны какого-либо переписчика или корректора, знавшаго современное ему грузинское названіе. Нужно также будетъ предположить, что у лазовъ употреблялась форма этого имени безъ суффикса *-αθ-*, ближе стоящая къ современному, а не болѣе древнему виду его у грузинъ. Однако, остается еще вопросомъ, насколько можно довѣрять въ этомъ случаѣ, хотя бы и единообразно, чтенію въ *K [V]* и въ сохранившихся рукописяхъ Агаѳіа, не болѣе ли правильна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ началу слова, не *κωτ-*, а другая форма, *κωτ-*, хотя одинъ разъ она искажена въ *L [M]* въ *σκωτ-*¹. Расхожденіе двухъ преданій и здѣсь можетъ

¹ Нужно имѣть въ виду, что на чтеніе съ *κωτ-* могло вліять сближеніе греками этого кавказскаго названія съ гораздо болѣе известнымъ имъ *Κοταίαις* въ Фригіи, причѣмъ оно могло отразиться уже на самомъ Проконіи. Самъ Проконій именно и говоритъ даже (съ ссылкой на Аріана), что лазы собственно лишь искажили, будто бы, греческое названіе, когда стали называть этотъ городъ по своему. III, 14, 48—49, ed. Haury, II, 565: *Κοταίων [K Maltret, κοταίσιον L Hübisch. Dind. Compar.] δὲ τότε τὸ φρούριον ὀνόμαζετο τῇ Ἑλλήνων φωνῇ, νῦν μὲν τοι Κόταίς αὐτὸ καλοῦσι Λαζοὶ τῇ τῆς φωνῆς ἀγνοίᾳ τὴν τοῦ ὀνόματος διαφθείροντες ἀρμονίαν. ταῦτα μὲν Αἰριανὸς οὕτως ἰστορήσεν. ἕτεροι δὲ φασὶ πόλιν τε γεγονέναι ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις τὸ χωρίον καὶ Κοίταιον [L Hübisch, κίτειον K, Κοταίων Maltre. Dind. Compar. — маргинальная поправка Hübischel'я] καλεῖσθαι ἔνθεν τε τὸν Αἰήτην ὠρμησθαι, καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοὺς παιητὰς αὐτὸν τε Κοταίαια [κοιταίη K, κοίτην L Hübisch., Κοταίαια Dind. Compar.] καὶ γῆν τὴν Κολχίδα Κοταίαια [K, κοιταίαια (не L, какъ у Haury, но по Compar. CDf=) acd Hübisch., κοιταίγγιδα L, Κοταίαια Dind. Compar.] καλεῖν. У Стефана византийскаго, *Ethnicorum quae supersunt*, ed. Meinekii, 1849, p. 398—9: *Κότα, πόλις Κολχικῆ, πατρίς Μηδείας. - - ὁ πόλιτις Κουταῖος, ἐξ οὗ καὶ Κουταίεις. - - τὸ θηλοκὸν Κουταίης. - - λέγεται καὶ Κουταίς ἀπὸ τοῦ Κουταῖος. Фригіиискій Κοταίαι имѣется въ рукописяхъ труда Стефана въ формѣ *Κοταίσιον* и *Κοτουάσιον* (p. 379). О возможности объясненія названія *Κότα* изъ абхазскаго языка см. Н. Я. Марръ, Изъ лингвистической поѣдки въ Абхазію, въ ИАН, 1913, № 6, 329.**

быть объясняемо двусмысленнымъ написаніемъ этихъ комбинацій въ архетипѣ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что данныя рукописнаго преданія Проконія по отношенію къ указаннымъ именамъ сами по себѣ, безъ постороннихъ аргументовъ въ пользу того или другого чтенія, оказываются далеко недостаточными для какихъ-либо твердыхъ выводовъ. Приходится лишь, съ очевидною необходимостью, предполагать въ одной изъ двухъ группъ рукописей искаженіе чтенія архетипа вслѣдствіе смѣшенія сходныхъ начертаній для комбинацій разныхъ буквъ ($\vartheta i = \chi \epsilon i$, $\sigma \gamma = \sigma \upsilon \gamma$, $\sigma \tau = \sigma \upsilon \tau$).

Названіе крѣпости, куда заключенъ былъ св. Максимъ, сохранилось въ слѣдующихъ формахъ:

1) Въ запискѣ Θεодосія гангрскаго въ Vat. gr. 1671 л. 149, X в.: \acute{o} τοῦ αὐτοῦ κάστρου Σχημάρεως κόμης [κώμης изд.]¹.

2) Въ житіи, изданномъ у Комбефиса по cod. Regius: εἰς ἐν τῶν κατὰ τὴν Ἀλαβίαν κάστρων, Σχίμαριν οὕτω λεγόμενον².

3) Въ житіи этой же редакціи, въ Моск. Син. рук. 391 л. 150 об., XV в. (копія, по Муретову, съ рук. XII—XIII в.), здѣсь читается Σχημάριον³.

4) Въ той же редакціи, въ cod. ducis Sabaudiae, по указанію Пинія: Σχημάριον⁴.

5) Въ житіи другой редакціи въ Моск. Син. рук. 380 л. 251 об., 1022 г., въ извлеченіи изъ письма Анастасія апокрисиарія: εἰς κάστρον λεγόμενον Σχιομάριν⁵.

Въ латинскихъ переводахъ греческихъ текстовъ сверхъ того имѣется:

6) Въ переводѣ письма Анастасія у Анастасія Библиотекаря: in castro Schemari vocitato, in Schemareos castrum, a via -- Schemareos castrī⁶.

7) Въ переводѣ приведеннаго выше мѣста изъ записки Θεодосія въ изданномъ текстѣ у него же читается: comes ejusdem Chemareos castrī⁷.

8) Въ переводѣ житія той редакціи, какая впервые была издана Ком-

¹ Епифановичъ, 16,31-2.

² Combefis, I, p. XXVII=PG, 90, 108B.

³ У Муретова, 166,4, невѣрно показано «σχημάριον».

⁴ AASS, aug. t. III, 131E (примѣчаніе Пинія). У Муретова, 166,4 ошибочное указаніе: «S [=Sabaudicus] P [рукопись Понтава]: Schemarium.

⁵ Муретовъ, 163; Епифановичъ, 9 (подъ строкой).

⁶ По изданію Sirmond'a, PL, 129, 660A=PG, 90, 173C, 662A=175B, 662B=175C.

⁷ 687A=198D.

бѣфисомъ, сдѣланномъ съ неизвѣстной рукописи Понтаномъ: *in quodam Alaniae castro (Schemarium vocant)*¹.

9) Но въ переводѣ этого же житія у Морина, пользовавшагося тремя ватиканскими рукописями, здѣсь читается: *quod Schimaris appellatur*².

Имѣются, такимъ образомъ, *Σχήμαρις*, Schemaris (1,6) и *Σχημάριον*, Schemarium (3,8), *Σχίμαρις*, Schimaris (2,9) и *Σχημάριον* (4) и наконецъ, *Σχιομάρις*, или, можетъ быть, *Σχιομάρι[ο]ν* (5); въ латинскомъ переводѣ встрѣчается еще Chemaris (7).

Окончаніе *-ις* засвидѣтельствовано несравненно лучше, нежели *-ιον*, въ виду въ особенности род. надежа *Σχημάρεως* — Schemareos (1, 6, 7). Если встрѣчается иногда *-ιον*, то оно легко объясняется какъ раскрытіе неправильно предположеннаго сокращенія (въ вин. падежѣ) *-ιν* вмѣсто *-ιον*. Подобныя сокращенія въ собственныхъ именахъ у грековъ нѣкогда были весьма обычны³.

Но начало слова и здѣсь возбуждаетъ недоумѣніе: *σχη-* или *σχι-* стояло здѣсь первоначально. Анастасій Библиотекаръ, у котораго *sche*==*σχη-*, правда, свидѣтель болѣе древній (IX в.), чѣмъ сохранившіяся греческія рукописи съ написаніемъ *σχι-*, и *σχη-* читается и въ наиболѣе древнемъ греческомъ *cod. Vat. 1671*. Но и въ греческомъ оригиналѣ Анастасія, и въ указанномъ кодексѣ, въ виду греческаго итацизма, η могло явиться въ замѣну другого знака, выражавшаго звукъ «и», вслѣдствіе сближенія, напр., иноземнаго названія съ греческимъ *σχήμα*. *Σχιο-* стоитъ слишкомъ изолированно, чтобы придавать ему серьезное значеніе; можетъ быть, это есть не болѣе какъ описка, вмѣсто *σχιοι-* или просто *σχι-*.

Если сопоставлять *φρούριον Ουχεμέρεος* — *Ουδμέρες* Прокопія съ *κάστρον Σχημάρεως* — *Σχημάρεως* памятниковъ о Максимѣ, можно не обращать особаго вниманія на разность окончаній, какъ бы ни понимать находимую въ текстѣ Прокопія форму. Что окончанія собственныхъ именъ въ подобныхъ случаяхъ могли приводиться въ концѣ концовъ къ одному

¹ AASS, aug. t. III, 130F.

² Baronii Annales eccles. a. 657, n. 27 (t. XI, 1867, p. 489).

³ Ср. объ этомъ F. G. Benseler, *De nominibus propriis et Latinis in ἱε̅ pro iūs et Graecis in ι̅ ἱν̅ pro iūs iōn̅ terminatis*. Lipsiae 1870. Въ греческихъ именахъ сокращенія часто встрѣчаются въ написанъхъ въ періодъ отъ половины I в. по Р. X. до «византійскихъ» временъ, но имѣются и у нѣкоторыхъ византійскихъ авторовъ (169). Къ приведеннымъ у Бензелера (176) примѣрамъ изъ *Proc. De aedif.*: Ἄλλοριον, Κισιον, Δουράχιον, нужно присоединить еще Δολέβριον (ed. Naugy, III, 2, 117,17); но на ряду съ этимъ у Прокопія еще больше именъ на *-ιον*.

виду, это показываетъ и тотъ фактъ, что обонмъ названіямъ въ рукописяхъ иногда усвоилось и окончаніе *-ιον*: *Οὐχεμέριον* и *Σχημάριον* (*Schemarium*) — *Σχημάριον*.

Препятствіемъ къ отождествленію является собственно начало того и другого слова. Но нужно лишь нѣсколько далѣе провести высказанный выше соображенія по вопросу о происхожденіи въ сохранившихся рукописяхъ сочиненія Проконія разночтеній въ указанныхъ географическихъ названіяхъ, чтобы видѣть, что оно можетъ быть устранено безъ особаго труда.

Дѣло въ томъ, что если начертаніе *ου* въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло давать поводъ къ смѣшенію съ буквою *ο*, то столь же легко въ курсивномъ и минускульномъ письмѣ оно могло быть смѣшиваемо съ *σ*, когда послѣдняя составляла лигатуру съ дальнѣйшимъ *υ* или *ϑ* (также, напр., съ *τ*, *π*, *σ*) и превращалась въ овалъ или кругъ, прикасавшійся верхнимъ краемъ къ послѣдующей буквѣ, или соединенный съ нею линіей¹. Возможно, такимъ образомъ, что въ текстѣ Проконія было сначала не *οὐχεμέρεος* и не *οὐδιμέρεος*, а *σχειμέρεος*, но потомъ какимъ-то переписчикомъ оно было прочитано и написано какъ *οὐχεμέρεος*, и кромѣ того возникла — или уже изъ *οὐχεμέρεος*, или же, можетъ быть, прямо изъ *σχειμέρεος* — еще болѣе искаженная форма *οὐδιμέρεος*. Неправильность — *ου* вмѣсто *σ* — распространилась на всѣхъ безъ исключенія извѣстныхъ нынѣ представителей рукописнаго преданія Проконія.

Не невозможно при этомъ, повидимому, даже и то, что уже самъ Проконій, имѣя предъ собою тотъ или иной письменный источникъ при изложеніи исторіи лазской войны (архивные документы, или же мемуары), прочиталъ названіе неизвѣстной ему помимо этого источника крѣпости какъ *οὐχεμέρεος*, вмѣсто *σχειμέρεος*, и неправильная форма могла такимъ образомъ восходить уже къ рукописи самого автора, а потомъ еще явилось лишь чтеніе *οὐδιμέρεος*.

Оригинальная форма названія при этой гипотезѣ предполагается сохранившейся не въ текстѣ Проконія, а въ текстѣ указанныхъ памятниковъ о св. Максимѣ. Но допустимо (если признавать вообще тождество крѣпости, о которой говорится у Проконія и въ этихъ памятникахъ) и обратное предположеніе, что въ документахъ VII в. стояло сначала *οὐχη[ι]μαρις*, но замѣ-

¹ Ср. V. Gardthausen, Griechische Paläographie. 2 Aufl. В. Н. Лpz. 1913, для *συ*: Taf. № 4b 633 г., № 5 914 г., № 6 990 г., № 7 1045 г., № 9 1196 г. Для *ουυ*: № 7 1027 г. (приведенъ лишь одинъ примѣръ). Для *σϑ* ср., напр., № 9 1231 г., № 10 1296 г. Съ начертаніемъ *συ* весьма сходно также *αυ* (№ 6 972 г., № 7 1037 г., № 10 1296 г.).

нилось потомъ, по сходству $\sigma\chi$ и $\sigma\zeta$, чрезъ $\sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$. Разсуждая теоретически, и здѣсь, конечно, можно предположить восхожденіе позднѣйшихъ чтеній къ одному очень рано искаженному архетипу — списку письма Анастасія и записки Θεοδοσία, послужившему источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сообщений. Но въ общемъ форма $\sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ имѣеть и болѣе древнее, и болѣе разнообразное засвидѣтельствованіе (латинскій переводъ IX в. и греч. рукописи X и XI вв.), нежели текстъ Прокопія (рукописи XIII—XIV вв.), и при настоящемъ положеніи данныхъ преимущество при выборѣ нужно отдать чтенію $\sigma\chi$ - въ памятникахъ о Максимѣ предъ $\sigma\omega\chi$ - и тѣмъ болѣе $\sigma\omega\theta$ - у Прокопія. Нужно имѣть въ виду и то, что если возможность ошибки въ данномъ случаѣ допустима, какъ замѣчено, даже и для самого Прокопія, коль скоро онъ пользовался лишь чьими-то письменными сообщеніями, то Анастасій апокрисиарій и Θεοδοσία слышали названіе крѣпости непосредственно изъ устъ лицъ, какъ нельзя лучше освѣдомленныхъ въ этомъ. Въ ихъ собственныхъ писаніяхъ поэтому никакой ошибки не могло быть, и если она могла появиться, то уже со стороны переписчиковъ.

Различіе остается еще въ гласныхъ предполагаемаго $\Sigma\chi\epsilon\iota\mu\epsilon\rho\iota\varsigma$ Прокопія и $\Sigma\chi\eta[\iota, \iota\omega=\sigma\iota?]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ памятниковъ о Максимѣ. Но относительно перваго слога можно замѣтить, что при позднѣйшемъ одинаковомъ произношеніи у грековъ ι, η, ϵ (частію уже съ II в. по Р. Х., особенно же съ IV), эти написанія легко могли замѣнять другъ друга въ малоизвѣстныхъ собственныхъ именахъ. Что касается различія ϵ и α во второмъ слогѣ, то оно можетъ быть отнесено насчетъ особаго произношенія его туземцами (могъ быть звукъ средній между э и а) и неодинаковой передачи слышавшими его отъ нихъ лицами въ VI и VII вв.; могло произойти въ теченіе столѣтій и измѣненіе въ произношеніи (переходъ отъ э къ а). Аналогію представляютъ въ данномъ случаѣ Μουχέρησις [Μοχήρησις] — Μουχέρισις Прокопія и Агаѳія и Μουχορίστιν Анастасія апокрисиарія, также Βούχλος Агаѳія и Βουκόλος того же Анастасія; въ обонхъ словахъ видимъ одинаковый и поэтому въ какомъ-то отношеніи закономѣрный переходъ прежняго χ въ κ , чѣмъ бы этотъ переходъ ни объяснялся¹.

Какимъ образомъ возникла грузинская передача для $\Sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ у Евонмія — «шимаръ», не ясно. Можетъ быть, и ея происхожденіе нужно

¹ Примѣромъ неодинаковой передачи туземнаго названія въ одно и то же почти время можетъ служить наименованіе крѣпости у Pтос. VIII, 10, 1; 17, 16: Τξιβόλη (съ вариантами въ рукописяхъ) и у Agath. IV, 16: $\text{τὸ φρούριον τὸ Τιβέλος}$. Ср. также указанную выше неодинаковую передачу по-русски названій «Лафск[х]али», «Лапскальдъ», «Лапсхалд(ъ)».

объяснять не изъ лингвистики, а изъ палеографіи. Весьма возможно, что въ основѣ здѣсь лежитъ тоже просто лишь неотчетливо написанное и неправильно прочитанное греческое <σ>χη[ι]μαρίς. Въ греческомъ письмѣ σ, сближаясь иногда по начертанію съ ο и ου, могла принимать, между прочимъ, и слишкомъ миниатюрные размѣры почти точки, и потому при чтеніи малоизвѣстнаго слова могла быть при случаѣ незамѣчена. Подобное же происхождение могъ имѣть и неизвѣстно откуда взятый «Химарь» славянскаго перевода дѣяній ап. Андрея. Въ томъ и другомъ случаѣ для уясненія вопроса требовалось бы прежде всего по возможности полное изслѣдованіе рукописнаго преданія соотвѣтствующихъ греческихъ текстовъ. Не менѣе необходимо подобное же изслѣдованіе и преданія грузинскихъ текстовъ какъ о Максимѣ, такъ и объ ап. Андрѣ. Въ Schemaeos у Анастасія Библиотекаря нужно видѣть, вѣроятно, ошибку латинскаго писца.

Весьма важно было бы установить съ точностью отношеніе мѣстнаго, употребляемаго въ живомъ языкѣ кавказскаго названія «Мури» къ древнему Σχη[ι, ει, ιο=οι?]μα[ε]ρίς. Вопросъ о мѣстѣ заключенія Максима рѣшался бы, можно сказать, окончательно, если бы оказалось возможнымъ научно доказать лингвистическое тождество этихъ названій и выяснить способъ возникновенія «Мури» изъ «Схимарисъ».

Прот. Кекелидзе попытался объяснить «Мури» какъ составную часть греческаго «Σχημαρίς». «Σχημαρίς есть, по нашему, сумма двухъ чисто грузинскихъ словъ измѣнившихся въ греческомъ произношеніи: Σ(ι)χη+Μουρίς=Цихе-Мурисъ, изъ коихъ послѣднее, „Мурисъ“, есть форма родительнаго надежа отъ Мури. Цихе-Мурисъ значитъ крѣпость Мурская, или, точнѣе, крѣпость мѣстности Мури, крѣпость, находящаяся въ мѣстности Мури»¹.

Но Н. Я. Марръ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему мною вопросъ о возможности такого словопроизводства, въ письмѣ отъ 9 декабря 1913 г. не нашелъ возможнымъ согласиться съ нимъ. «Этимологія Σ(ι)χη+Μουρίς остроумна, но не вижу для нея ни почвы, ни поддержки: 1) что значитъ въ такомъ случаѣ Mur-? 2) Поставивъ этотъ вопросъ, становимся передъ другимъ: какого времени терминъ? а) Если позднѣйшаго, то есть послѣ VII—VIII-го вѣка, то слѣдовало бы ему звучать Muris-siqe (Μουρίς σ(ι)χη), а не Siqe-Muris; б) если это древній терминъ, до VII-го вѣка, то ни въ Лечхумѣ,

¹ ТрКЛ, 1912, сентябрь, 35.

ни вообще въ западной Грузіи географическіе термины нельзя объяснять коренными грузинскими (картскими) словами, во всякомъ случаѣ надо привести специальное обоснованіе исканія картской этимологіи, а раньше всего надо бы исчерпать средства тубал-кайнскихъ языковъ, т. е. лазскаго и мингрельскаго, да и сроднаго съ ними доброй половиной своей природы сванскаго или специфически сванскаго коренного слоя... Засимъ, почему расклинивать вновь вводимымъ гласнымъ (і) согласные sq (σχ), когда это — обычная излюбленная тубал-кайнская (лазская=чанская, мингрельская, а отчасти и сванская) группа согласныхъ».

Въ дѣйствительности, при объясненіи названій «Схимарисъ» и «Мури» не должно, казалось бы, упускать изъ виду, и того факта, что частью рядомъ съ нынѣшнимъ Мури, частью въ сосѣдней Сваніи, можно встрѣчать географическія наименованія, которыя звучатъ весьма сходно съ древнимъ Схимарисомъ. Верстахъ въ двухъ къ с. отъ Мури отмѣчается рѣчка «Цхмелури» (на 5-верстной картѣ 1912 г.). Въ княжеской Сваніи, какъ уже было указано, имѣется общество «Цхмари» или «Цхма», или, по написанью на иконахъ, «Цхемирисское». Начальные звуки въ «Схимарисъ» напоминаютъ также Сухумъ—Цхумъ», хотя онъ находится уже довольно далеко отъ Мури.

Относительно этихъ аналогій Н. Я. Марръ въ упомянутомъ письмѣ замѣчаетъ, что «греческое σχ можетъ передавать не только sq (сх), но и шq (шх), посему основа σχοιμ || σχημ || σχιμ [я бы сказалъ и: *σχοιμ]¹ могла

¹ Σχοιμ поставлено здѣсь у Н. Я. Марра въ виду сообщеннаго мною, на основаніи Кекелидзе, 34, чтенія Моск. Син. рук. 380, но на дѣлѣ здѣсь оказалось σχοιρῆρι, и σχοιμ-остается, такимъ образомъ, пока не засвидѣтельствованнымъ. Такое чтеніе, между тѣмъ, представляло бы особый интересъ. Двугласное οι въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, долгое время звучало сходно съ υ (франц. и, среднее между русск. и и ю), и только уже послѣ IX—X в. оба они окончательно отождествились съ ι. Византийцы разсматривали υ какъ ἀντίστοιχον — равнозначашее по звуку — въ отношеніи къ οι, и отсюда именно утвердилось въ греческомъ алфавитѣ названіе, очевидно — крайне условное, υ ψιλόν — υ простое — въ отличіе отъ οι δίφθογγος, подобно тому какъ и ε стали называть ψιλόν въ отличіе отъ совершенно тождественнаго съ нимъ въ позднѣйшія времена по звуку двугласнаго οι. См. R. Kühner, Ausführl. Grammatik der griech. Sprache. Bearb. von F. Blass. I, 1. Hannover 1890, 53, 51, 41. Σχοιμ являлось бы точнымъ эквивалентомъ предполагаемому Н. Я. Марромъ σχοιμ. Естественно при этомъ вспомнить Скимнію, Σχιμνία, поставляемую у Прокопія въ связи съ Сваніей и обычно раньше послѣдней (VIII, 2, 23 [въ рук. здѣсь, по Наугу, II, 494, 10, σχοιμία K, σχοιμῆ L], 16, 14; но 14, 53, Сванія раньше), едва ли не тождественною, повидимому, лингвистически съ Лечхумомъ, территориально совпадающую, можетъ быть, съ южной частью Сваніи (Дадіановская Сванія). Равенство υ=οι можетъ, между прочимъ, объяснить Κόιτα=Κοίτατον. Значеніе основы ῥῥιμ, ῥῥιμ (въ Цхумъ=Сухумъ и Лечхумъ) пытается опредѣлить, между прочимъ, I. Орбели, Городъ близнецовъ Δισκοιριές и племя возницъ Πηίοχοι, въ ЖМНП, 1911, май, 202—209, и полагаетъ, что она означаетъ «близнецы, двойни» (Сухумъ=Δισκοιριές).

быть представлена въ мѣстныхъ языкахъ не только $sqəm < sqim || sqim > sqwm$, но и $шqəm < шqim || шqim > шqwm$, а съ подъемомъ $s > \acute{s} || ш > \acute{ш}$, праформы должны были или могли звучать $\acute{s}qim$ (цхум-) || $\acute{s}qim$ (чхум-). Что касается суффикса -ar, то конь рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ для картской (коренной груз.) этимологii. Это — суффиксъ мн. числа сванскаго языка. Онъ бываетъ представленъ, какъ и въ абхазскомъ, и въ видѣ -га, особенно въ названiяхъ деревьевъ; такъ слово *грабъ* св. $\acute{s}qwm-ar$ могло звучать по свански и $\acute{s}qwm-га$ ($< \acute{s}qim-ar$). Однако, искать этимологию нашего географическаго термина пока рано, сопоставить же его я скорѣе могъ бы, подобно Вамъ, съ сванскимъ названiемъ селенiя $\acute{s}qimar$ съ одной оговоркой, именно съ той, что $\acute{s}qimar$ овъ, географическихъ пунктовъ, могло быть нѣсколько; кромѣ того, взявъ разновидность $\acute{s}qim$ (чхум), мы невольнo становимся передъ вопросомъ о связи термина съ $le-\acute{s}qim$ (Лечхумъ), что какъ извѣстно представляетъ сванскую форму именно мѣста ($le-$) отъ той же въ такомъ случаѣ основы ($\acute{s}qim = \text{чхум}$), отъ которой образовано сванское мн. число на -ar: $\acute{s}qim-ar$. Впрочемъ $\acute{s}qim-ar$ (цхум-ar) по существу не измѣняетъ дѣла, это лишь картизованная форма тубалкаинской основы $\acute{s}qim$ (ц вмѣсто ч), очевидно, усвоенной и сванами. Замѣна -ar суффиксомъ -el на сванской диалектической почвѣ обычное явленiе (въ лашскомъ говорѣ, напр., и въ другихъ) при образованiи мн. числа, посему $\acute{s}qim-ar$ ($> \acute{s}qimar$) || $\acute{s}qim-el$ ($\acute{s}qim-el$), а отсюда съ позднѣйшимъ грузинскимъ окончанiемъ прилаг. -иг совершенно правильно сопоставляемое Вами $\acute{s}qim-el-иг$. Я беру лишь въ основныхъ точкахъ, притомъ одну линiю, воздерживаясь пока по вопросу о соотношенiяхъ $\acute{s}qimar$ и $himar$ и mig [во всякомъ случаѣ не на картской почвѣ, гдѣ эти величины несоизмѣримы] и не касаясь $\Sigma\chi\omicron(i||\eta)\mu\alpha\rho-\iota\varsigma$ $O\chi\upsilon\epsilon\mu\epsilon\rho\iota\varsigma$ — Охвамерiани и Дехвири, гдѣ серьезный интересъ представляетъ лишь Ваше предположенiе объ опискѣ $o\chi$ вмѣсто $\sigma\chi$.

Вопросъ о лингвистическомъ тождествѣ «Схямарисъ» и «Мури» остается, такимъ образомъ, пока неяснымъ; рѣшить его можетъ лишь научно поставленная лингвистика, и рѣшенiя нужно ожидать, разумѣется, прежде всего отъ дальнѣйшихъ изслѣдованiй Н. Я. Марра.

Для неспециалиста было бы, можетъ быть, слишкомъ рискованнымъ пытаться предупреждать это рѣшенiе. Но если имѣть въ виду, что недалеко отъ Мури сохранились названiя, имѣющiя одинаковое происхожденiе и значенiе съ древнимъ наименованiемъ этой крѣпости и болѣе или менѣе точно соответствующiя первоначальной формѣ его, между тѣмъ нынѣшнее ея названiе является въ весьма измѣненномъ видѣ, то можно бы, повидимому,

сдѣлать предположеніе, не произошло ли это измѣненіе древняго названія вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, именно — вслѣдствіе посторонняго вліянія. Возможность въ данномъ случаѣ лингвистическаго воздѣйствія сторонняго фактора на мѣстную географическую номенклатуру, какъ кажется, вполне допустима, при имѣвшихъ на Кавказѣ мѣсто перѣдкихъ передвиженіяхъ и взаимныхъ вліяній разныхъ народностей.

Кромѣ болѣе ранняго общаго движенія всѣхъ яфетидовъ — тубал-кай-новъ (лазовъ и мингреловъ), свановъ и картовъ (грузинъ), Н. Я. Марръ отмѣчаетъ относящееся именно къ VII в. по Р. X. и сопровождавшееся важными слѣдствіями движеніе картовъ на западъ¹. Но если *Źjimar* и *tiur* на картской почвѣ оказываются несоизмѣримыми, то можно поставить, по крайней мѣрѣ, вопросъ, не должно ли считаться въ настоящемъ случаѣ съ фактомъ утвержденія на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта «алановъ» именно въ данную эпоху. Если при этомъ аланы вообще подвергались вліянію окружающей ихъ среды, то въ свою очередь не могли ли и они оставить, въ лингвистическомъ отношеніи, слѣдовъ своего пребыванія, между прочимъ, и чрезъ видоизмѣненіе на свой ладъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій, именно — тѣхъ пунктовъ, которыми они болѣе всего могли интересоваться, хотя бы сами они потомъ совсѣмъ исчезли въ той или иной мѣстности, смѣшавшись съ инороднымъ преобладающимъ населеніемъ². Видоизмѣненное,

¹ Изъ поѣздокъ въ Сванію, XV, 1913, II, 33.

² Если допустить, что «аланы», находившіеся вблизи крѣпости Схимарисъ, были осетины, то объясненіе происхожденія «Мури» изъ «Схимарисъ» нужно искать въ осетинской фонетикѣ. Въ осетинскомъ языкѣ, хотя въ числѣ немногихъ группъ согласныхъ, допускаемыхъ въ началѣ словъ, имѣется и группа *s+k*, 'k, q, x, но сочетаніе *sxm* невозможно, В. Миллеръ, Осетинскіе этюды. II. М. 1882, 91. Если древнее произношеніе названія лазской крѣпости, переданное у грековъ какъ *схим-*, было въ дѣйствительности близко къ *sxm* (соотвѣтственно нынѣшне картизованнѣмъ Цхмари и Цхмелуръ), такъ что могло слышаться и просто *sm-*, то, предполагая, что и здѣсь нашла примѣненіе особенность осетинскаго языка (92) отбрасывать начальное *s* въ комбинаціяхъ *s+n*, *s+m* (хотя она констатируется собственно для индоевропейскихъ словъ), можно такимъ образомъ объяснить утрату у алановъ начала слова *sx*. Что касается гласной *u* въ «Мури», то переходъ *a* (иранскаго) въ *u* подъ вліяніемъ губной *m* (нерѣдкій вообще и въ разныхъ другихъ языкахъ) замѣчается въ дигорскомъ говорѣ, который именно и стоитъ ближе къ праосетинскому, нежели пронскій съ его туальскимъ подрѣчьемъ (44). Конечно, эти соображенія требовали бы подтвержденія прежде всего чрезъ указаніе какихъ-либо аналогичныхъ случаевъ въ отношеніяхъ осетинскаго языка къ другимъ, съ какими онъ входилъ въ соприкосновеніе. Но они, очевидно, устраняются въ томъ случаѣ, если воистинѣ твердо будетъ доказано положеніе Н. Я. Марра, что кавказскіе ал(ан)ы не тождественны съ ос(етин)ами, и объясненія тогда нужно будетъ искать въ фонетикѣ того народа, съ которымъ аланы отождествляются. Сама по себѣ возможность утвержденія мѣстнаго названія въ искаженной стороннимъ вліяніемъ формѣ едва ли можетъ быть отвергаема. Извѣстно, напр., — хотя это примѣръ нѣсколько иного рода, — что даже «Россіей» вмѣсто чисто русской «Руси» мы обязаны грекамъ.

геср. искаженное, названіе подобнаго пункта могло затѣмъ утвердиться въ мѣстномъ населеніи, тогда какъ аналогичныя или тождественныя названія другихъ пунктовъ могли сохраняться въ то же время въ древней формѣ. Крѣпости, несомнѣнно, въ свое время и привлекали особенное вниманіе алановъ. Для Схимариса же Анастасіемъ апокрисиаріемъ отмѣчается, какъ особо отличающій его топографическій призвакъ, близость его къ «народу такъ назыв. алановъ».

А. Бриллиантовъ.